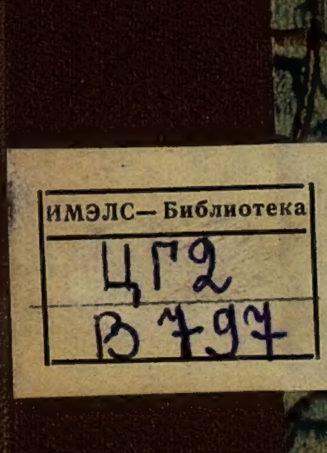
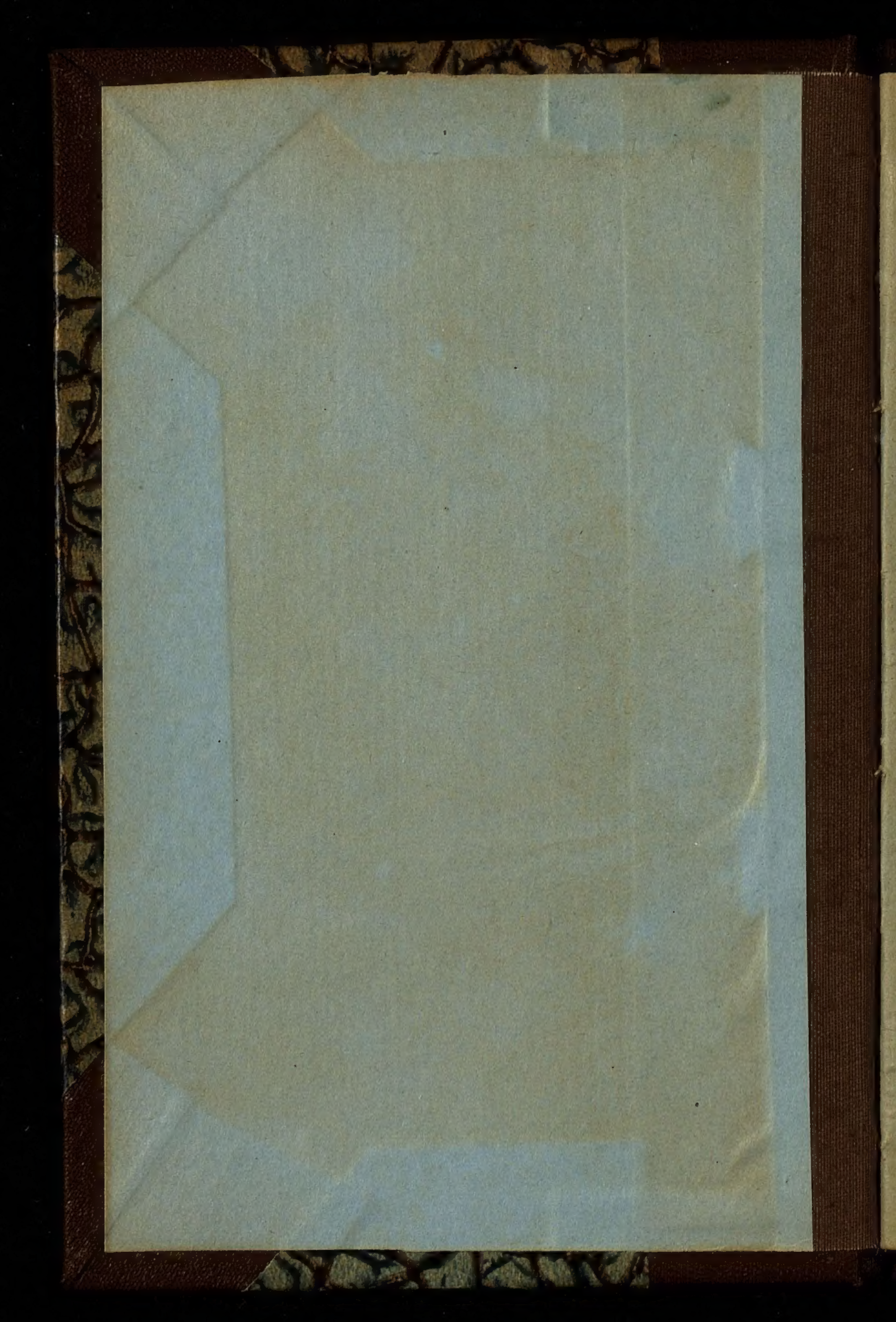

№ 791.

Издан. Общ. Распространенія Полезн. Книгъ

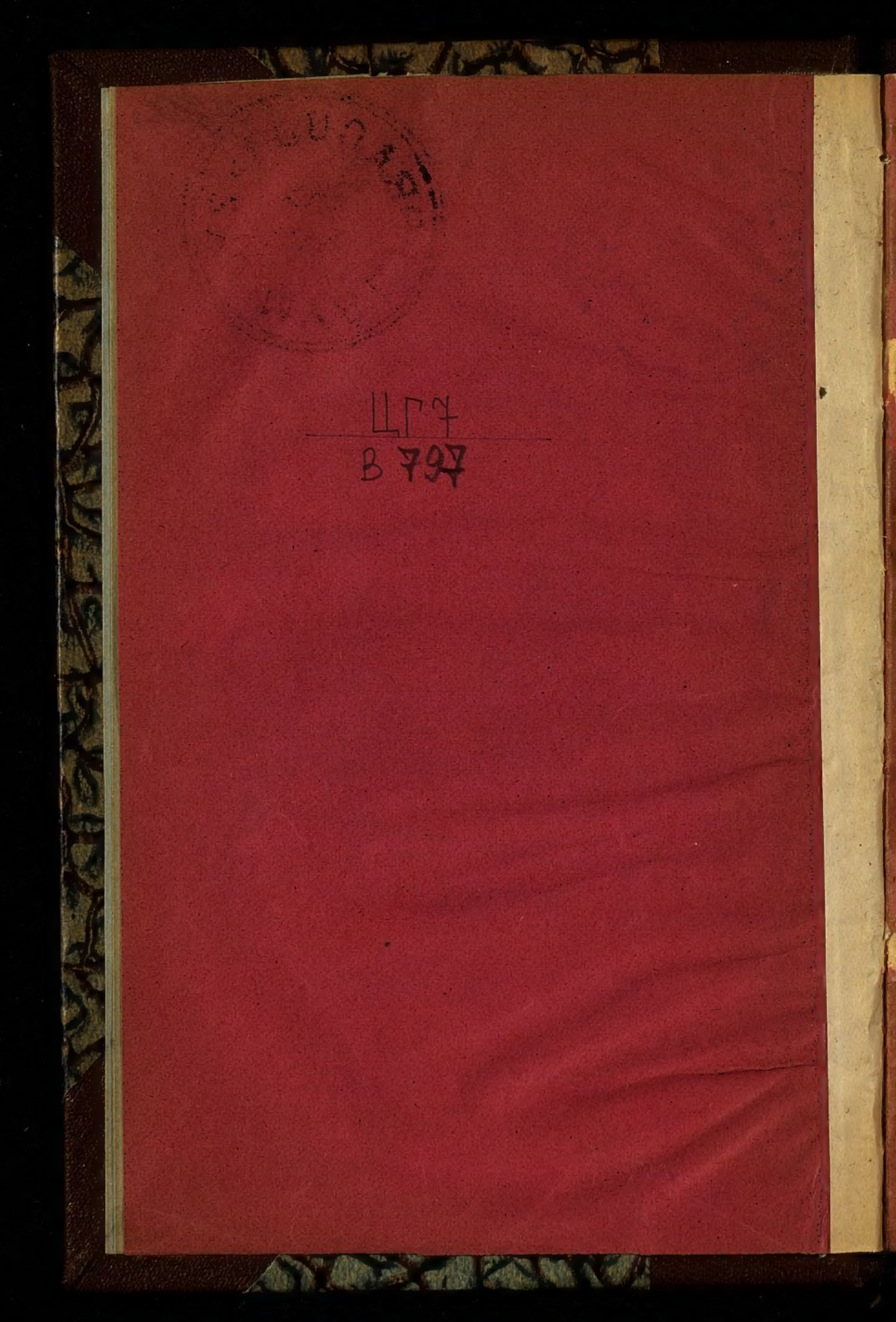
Русскія Сказки.

СКАЗАНІЕ
О
ЦАРѢ СИМЕОНѢ

Изданіе 2-е.

Цѣна 15 коп.

Ученымъ Комит. Минист. Народн. Просвѣщ. допущен. въ учевич. библ. начальн. школъ и въ безплатн. народ. читальни.

СКАЗАНІЕ
о
НЕСПРАВЕДЛИВОМЪ ЦАРѢ

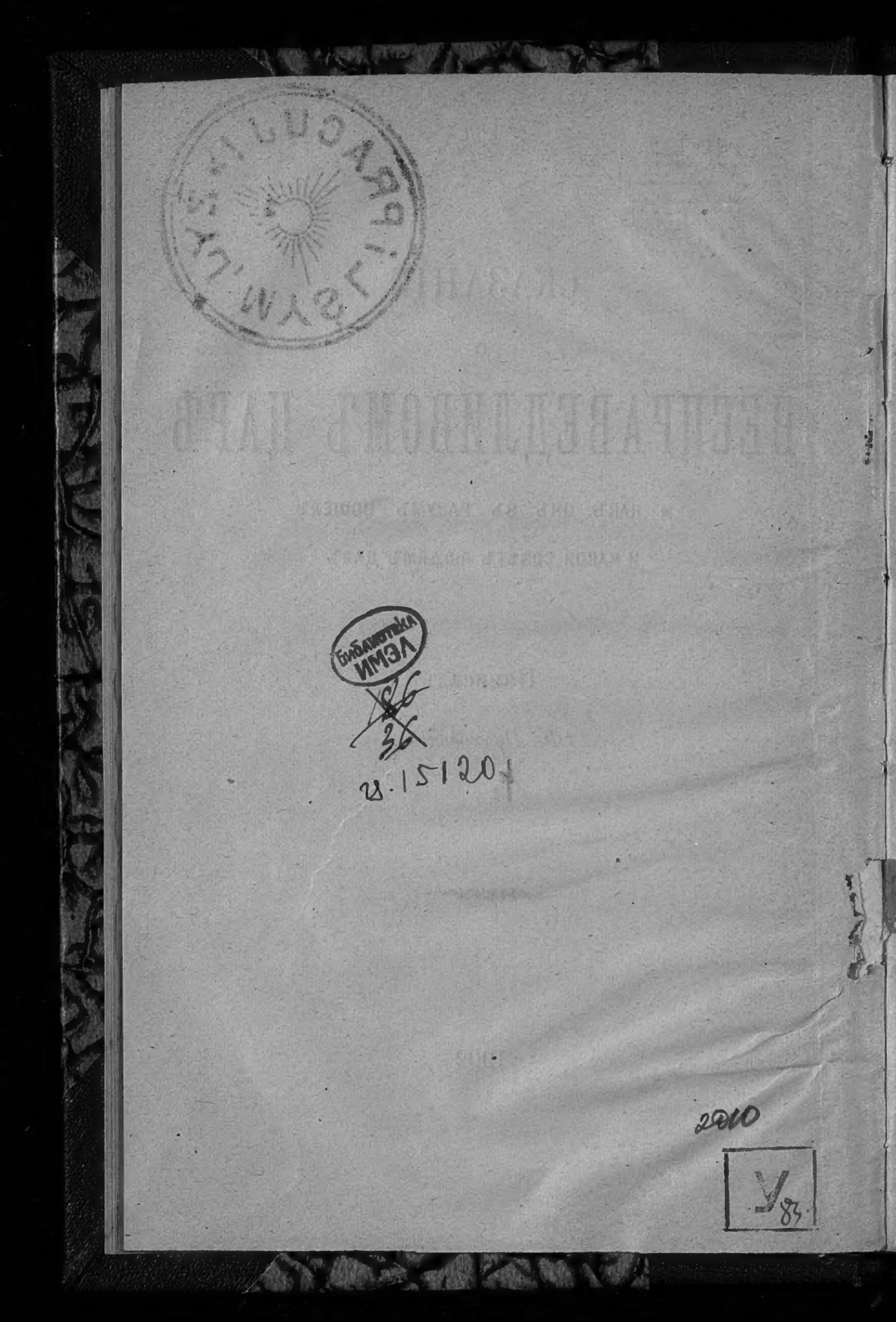
и какъ онъ въ разумъ вошелъ
и какой совѣтъ людямъ далъ

Написалъ

Ф. Волховскій.

X

1902

Библиотека
ИМЭЛ
2010

СКАЗАНІЕ

о несправедливомъ царѣ и какъ онъ въ разумъ вошелъ и какой совѣтъ людямъ далъ.

Жилъ-былъ на свѣтѣ царь неправедный. Былъ онъ умомъ гордъ и къ трудовому народу немилостивъ. Обнищалъ народъ и не стало въ томъ царствѣ управы ни на богатаго, ни на сильнаго. Пошелъ стонъ по всѣмъ царскимъ владѣніямъ и стало самое имя царя вродѣ какъ пугало. Бывало, какъ раскричится ребеночекъ, да мать никакъ не можетъ унять, такъ и припугнетъ: „вотъ погоди, ужо царю тебя отдамъ!" — онъ со страху-то и замолчитъ.

Заскучалъ народъ. Такъ заскучалъ — въ чемъ только душа держится! Видятъ и хребтомъ чувствуютъ, что ужъ не втерпежъ, а какъ горю пособить — не знаютъ. И начали люди между собою говорить, (съ оглядкой — чтобы становые да земскіе, да квартальные не прознали!) и пришли къ тому, что надо-де Богу на царя жаловаться. На томъ и порѣшили. Выбрали ходоковъ: ступайте, молъ, послужите міру.

Вышли ходоки за околицу, а куда итти — не знаютъ. Ахъ, горе! Идутъ путемъ-дорогой и спорятъ. Долго-ли, коротко-ли такъ шли, только вотъ ужъ и полдни. Присѣли наши мужички у родника; хлѣбецъ жуютъ, водицей святой запиваютъ, а сами все спо-

рятъ. И не замѣтили, какъ къ нимъ старецъ подошелъ, — древній-предревній и изъ себя благообразный, хоть и нищій. Они и его приглашаютъ: „Садись“, говорятъ, „божій человѣкъ, хлѣбца нашего откушай“.

Взялъ старецъ хлѣба и глядитъ: „Чтой-то“, говоритъ, „никакъ тутъ кострецъ?“

„Тутъ, дѣдушка, чего только нѣтъ: одной, развѣ, ржи не хватаетъ, а то всего довольно“, отвѣчаютъ ходоки: „тутъ и кострецъ, тутъ и лебеда, тутъ и жолуди. На свиное положеніе ужъ перешли. Одна слава, что хлѣбъ“.

— „Какъ же такъ?“

„А такъ. Такъ насъ, мужиковъ, укоротили, что ни земли, ни воды не стало у крестьянства, — курицы выгнать некуда! Одна спина осталась. Порютъ намъ ее исправно, да что то и она хлѣба не родитъ“...

— „Своя-то земля выпахана, что-ль?“

„Какъ не выпахана! Назьму-то гдѣ взять? Скотинку всю за подати да за долги пораспродали. Да и много-ли земли у насъ? Надѣялись мы на царя. А царь, вонъ, собралъ волостныхъ на коронацію, да и говоритъ имъ: скажите, говоритъ, мужикамъ, чтобы не ждали прирѣзки земли; не будетъ! А слушались бы господъ да чиновниковъ. И выходитъ, дѣдушка, что не куда ужъ намъ, окромя Господа Бога, податься“.

— „Чего же вы отъ Бога міру ожидаете?“ спрашиваетъ старецъ.

„А такъ уповаемъ, что Онъ, Батюшка, надъ народомъ смилосердится и несправедливаго царя смѣнитъ, а справедливаго надъ нами поставитъ.“

— „Да нешто въ царѣ суть“?

„А то въ комъ же? Вѣдь ужъ онъ всему дѣлу начало. Онъ всѣхъ губернаторовъ ставитъ... И опять

же солдатики, которые сколько разъ во дворцѣ въ караулѣ стаивали, царя и дѣла его видѣли, вотъ какъ мы тебя теперича видимъ, — всѣ въ одинъ голосъ говорятъ: лютъ онъ, царь-отъ; всякой собаки злѣе, прости Господи!

— Злѣе всякой собаки, говоришь? Ну ладно. Слушайте-же, я вамъ притчу скажу. Ежели ты самую злую собаку на цѣпь посадишь, можетъ она кусать народъ, или нѣтъ?"

„Гдѣ ужъ!"

— „А ежели ты передъ самымъ смирнымъ котомъ будешь птенцовъ воробьиныхъ постоянно пускать, — научится онъ ихъ ловить?"

„Что и говорить!"

— „Вотъ видите! Стало быть, не въ томъ штука, каковъ царь, а сколько ему и его министрамъ воли дано. Вознесли вы ихъ надъ собою, ровно боговъ, какъ же имъ не возгордиться? Не даромъ поговорка въ народѣ идетъ: было бы болото, а черти будутъ. Дать начальству полную волю, никогда ему учета не дѣлать, никакого предѣла ему не положить, — это все равно, что болото для чертей завести!"

„Это такъ точно", согласились ходоки. „Только мы вѣдь люди простые. Гдѣ же намъ царю да его совѣтникамъ предѣлы полагать? Нѣтъ ужь!... Сдѣлай такую твою милость, божій человѣкъ! Вѣдь ужъ мы видимъ, что ты не простой старичокъ. Скажи намъ вѣщее слово, помоги намъ къ Отцу небесному моленіе вознести, чтобы далъ онъ намъ справедливаго царя. Какъ же можно?! Хорошій человѣкъ — такъ ужъ завсегда хорошій. А царь — такъ ужъ онъ царь и есть: онъ все можетъ, онъ все и управитъ!"

Поднялись тутъ ходоки всѣ вмѣстѣ и поклонились старцу земнымъ поклономъ.

— „Ну, ладно, пусть будетъ по вашему“, отвѣтилъ старецъ. И просвѣтлѣлъ его ликъ, словно мѣсяцъ, и напалъ на мужиковъ страхъ. Онъ-же сказалъ имъ:

— „Не бойтесь“.

И въ тотъ же мигъ стало у нихъ на душѣ легко и свободно. Онъ-же, ласково взглянувъ на ходоковъ, молвилъ: „Теперь скажите мнѣ, какого вы знаете самаго добраго, разумнаго и справедливаго человѣка?“

Посовѣтовались между собою мужички и отвѣчаетъ одинъ: „Лучше Ивана Дементьича Красноперова не найти. Это тебѣ весь міръ скажетъ. Лѣтъ двадцать тому будетъ — четыре села у насъ размежовывались: онъ всѣмъ ворочалъ, а обидѣлъ ли кого хоть на макову росинку? Ни Боже мой! До сихъ поръ всѣ благодарятъ. Допрежъ того въ опекунахъ ходилъ — все до ниточки сиротамъ сберегъ. Бѣднотѣ сколько помогаетъ: по сусѣдски живетъ. И за міръ стоитъ: однова и въ острогѣ побывалъ, потому что не побоялся генералу въ лицо правду мірскую сказать. Другой бы по міру давно пошелъ; очень ужъ много его зорили изъ-за мірскихъ дѣлъ; а онъ и сейчасъ немалый достатокъ имѣетъ, потому что большесемейный: восемь работниковъ въ домѣ, да семь бабъ, ядреныя — одна къ одной. Ну, и пчелька, божья тварь, оченно его возлюбила: ужъ такъ роится, такъ роится — сказать невозможно. Одного воску да меду тыщи на полторы въ годъ продастъ!“

„Надо прямо говорить“, подхватилъ другой ходокъ, „что ежели нашъ міръ не вовсе еще съѣли, такъ только черезъ Дементьича. Имъ вся волость только и держится. Потому грамотный и бывалый мужикъ, а ума у его — палата! Даже очень большіе господа руку ему подаютъ; да онъ на то не

взираетъ. Тяжба тутъ у насъ была съ помѣщикомъ, Красноперовъ отъ крестьянъ въ довѣренныхъ состоялъ. Ужъ чего съ нимъ не дѣлали: и стращали, и придирки чинили, и за триста верстъ въ городъ вызывали — это, чтобы разорить, значитъ! — ничего не помогло. Тогда улещать стали. Губернаторъ къ медали представилъ, — будто за пчеловодство; а онъ смѣется: я, баитъ, съ того лучше не буду, а забавляться мнѣ ею — изъ годовъ тѣхъ вышелъ. Съ тѣмъи и отъѣхали. Его по всему царству знаютъ, по тому что онъ и на богомольѣ, и по своимъ, и по общественнымъ дѣламъ гдѣ не перебывалъ и всюду ему одна слава: справедливый и умнѣющій мужикъ".

Свѣтлѣе прежняго сталъ ликъ у старца и промолвилъ онъ:

— „Правда ваша, что болѣе справедливаго и разумнаго и добраго человѣка, чѣмъ Красноперовъ, не найти. Такъ вотъ, поставится онъ вамъ въ цари. И сами вы увидите, что изъ того выйдетъ. А чтобы вы не сомнѣвались — вотъ вамъ знаменіе: довольно вы маялись въ нуждѣ и работѣ, надо и вамъ отдыхъ знать. Будьте вы отнынѣ пташками невинными, которыя ни сѣютъ, ни жнутъ, ни собираютъ въ житницы, но сыты бываютъ. Будете вы пташками цѣлыхъ пять лѣтъ. Летайте по всему царству, приглядывайтесь къ тому, какъ пойдутъ дѣла; а черезъ пять лѣтъ слетайтесь всѣ въ столицу царства. Тамъ на лобной площади соберется весь народъ, вамъ же возвращенъ будетъ вашъ человѣческій образъ и тогда — свидѣтельствуйте людямъ о истинѣ".

И только сказалъ это старецъ, какъ почуяли наши мужички, что за спиною у нихъ трепещутъ крылушки, а сами они умалились и серьмяги ихъ стали ужъ не серьмяги, а сѣрыя перышки.... Вспорхнули наши странники и полетѣли.

* * *

Царь тѣмъ временемъ задумалъ свою царскую душу охотой потѣшить. Отдалъ приказъ, а на утро ужъ и выѣхалъ. Ѣдетъ весь въ золотѣ, да въ самоцвѣтныхъ камняхъ, конь подъ нимъ многихъ тысячъ стоитъ, а за нимъ все генералы, да князья, доѣзжачіе да выжлятники. Не успѣлъ царь выѣхать въ чистое поле, какъ откуда ни возьмись олень — красивый да быстроногій. Царь — за нимъ. И какъ былъ царскій конь лучше всѣхъ прочихъ коней, то и опередилъ скоро всю охоту. Скачетъ царь во всю прыть — вотъ-вотъ ухватитъ оленя за рога (хочется ему оленя живьемъ взять!); какъ вдругъ — лѣсъ. Олень въ лѣсъ, и царь въ лѣсъ. Видитъ, не продраться ему на конѣ. Разгорячился царь. Бросилъ коня, пѣшій побѣжалъ. Вотъ—вотъ догонитъ!... вдругъ — рѣка. Олень въ рѣку; царь быстро сбросилъ съ себя все платье и тоже — въ рѣку. Переплылъ, опять побѣжалъ за оленемъ — голый ужъ! Забѣжалъ въ чащу — вотъ-вотъ ухватитъ за рога.... Какъ вдругъ олень сгинулъ изъ глазъ; ровно бы его и не бывало. Такъ и остался царь на другой сторонѣ, въ лѣсу, голый, одинъ одинешенекъ.

* * *

Въ то время, какъ царь на охоту выѣхалъ, умственный мужикъ, Иванъ Красноперовъ, около пчелъ своихъ похаживалъ. Заботный выдался день: пять ульевъ сразу роились. Иванъ Дементьичъ подставилъ къ окошечкамъ желобки, приготовилъ маточницы, роевницы и пустые ульи для новыхъ роевъ поблизости установилъ; за двумя глядѣть внучка поставилъ, за тремя самъ смотритъ. Да вотъ бѣда: всѣ пять ульевъ въ разныхъ мѣстахъ на пчельникѣ разбросаны! Ну, да ничего, думаетъ, поспѣю! Глядь,

анъ всѣ пять роевъ сразу поползли. Посмотрѣлъ онъ одинъ — матки нѣтъ еще. Онъ — къ другому, — тоже пока одни работники другъ за дружкой ползутъ гусемъ. Онъ — къ третьему улью, — анъ вотъ она и матка. Едва успѣлъ ее сгресть, а изъ двухъ другихъ ульевъ матки показались. Дементьичъ кинулся къ одной; крикнулъ внуку, чтобы другую взялъ; да не поспѣлъ мальчонка: взвилась матка, а съ нею и рой — гудетъ, клубится, ровно клубъ дыма изъ горна, — выше да выше и потянулъ вонъ изъ пчельника.

— Ахъ-ти мнѣ! — крикнулъ Иванъ: — ловить надоть!

Схватилъ роевницу, вскочилъ охлябь на коня и за роемъ!

Рѣзвая матка выдалась, поводила старика. Вотъ ужь и за полдни, а рой все летитъ. Наконецъ, показалась опушка лѣсная. Сталъ рой опускаться; Дементьичъ привязалъ наскоро коня и глядитъ. Тяжело старику на дерево лѣзть, да дѣлать-то нечего. Сгребъ рой и съ маткой спустился. Фу-ты, усталъ! Ну, думаетъ, теперь и отдохнуть можно! Распоясался, на травкѣ прилегъ и въ ту-жъ минуту разморилъ его сонъ.

Лежитъ нашъ Дементьичъ, раскинулся: одной ноздрей прихрапываетъ, другой присвистываетъ, самъ отдыхаетъ. И привидѣлся Краснoперову сонъ. Будто подходитъ къ нему старецъ древній-предревній и изъ себя благообразный, хоть и нищій. И говоритъ ему старецъ: „Встань и иди на полдень; тамъ, у воды, гдѣ стоитъ береза, молоньей разбитая, найдешь ты на землѣ царское платье. Надѣнь то платье, иди въ лѣсъ, сыщи царскаго коня, ступай во дворецъ и царствуй, пока не придетъ твой предѣлъ“. Сказалъ это старецъ и просвѣтлѣлъ его ликъ, какъ мѣсяцъ. На Краснoперова же напалъ страхъ и онъ оттого проснулся. Проснулся, и не выходитъ у него сонъ изъ

головы. Что, думаетъ, это значитъ? Точно-ли знаменіе, или просто отъ жару кровь въ голову ударила? Пойти, думаетъ, къ рѣкѣ, да освѣжиться. Пошелъ, раздѣлся, — только думалъ въ воду нырнуть, да такъ и обомлѣлъ: въ заводи-то рѣчной онъ увидѣлъ себя, какъ въ зеркалѣ; и примѣчаетъ онъ, что обличье у него не его собственное, какъ допрежъ того было, а совсѣмъ другое — царское! Царскихъ-то портретовъ онъ не мало видалъ и въ лавкахъ и по присутственнымъ мѣстам.ъ „Вотъ такъ дѣла", думаетъ. „Теперь мнѣ, стало быть, нельзя домой воротиться, хоть бы и хотѣлъ: никто меня не признаетъ! Выходитъ — надо дѣлать, какъ сказано".

Оглянулся онъ туда-сюда, анъ и береза, молоньей опаленная, недалеко. Кинулся Иванъ въ воду, доплылъ до березы — точно, на землѣ царское платье лежитъ. „Ну, думаетъ, явное дѣло — надо исполнять, какъ сказано". Одѣлся, нашелъ коня, сѣлъ на него и скоро увидѣлъ всѣхъ тѣхъ генераловъ и князей, и охотниковъ, что поотстали, а теперь объявились. Никто изъ нихъ никакой перемѣны въ царѣ не замѣтилъ, потому что теперь Иванъ Дементьичъ все обличье и ростъ царскій на себя принялъ. „Ваше величество" и „ваше величество" и больше ничего. Такъ они и во дворецъ пріѣхали, и остался съ той поры Иванъ Красноперовъ, никому не вѣдомо, въ царяхъ.

* * *

А прежній-то, немилостивый и несправедливый царь, оставшись одинъ, въ лѣсу, голый, почувствовалъ себя куда неловко. Попытался онъ, перво-наперво, на берегъ воротиться. Пошелъ. Да непривыкъ, вишь, онъ босикомъ ходить. Стали попадаться подъ ногами сучки да шишки еловыя, — то и дѣло царь за подошвы хватается. Иной разъ такъ подскочитъ,

что и козлу впору! Сердится нашъ царь. „Хорошо еще“, думаетъ, „что никто не видитъ!“

Плуталъ онъ, плуталъ... Вотъ ужь и смеркаться стало — ни рѣки, ни жилья не видать. Наконецъ, огонекъ мелькнулъ вдали. Онъ на огонь. А то угольщики уголь обжигали. Пожалѣли они его: видно, молъ, разбойники до гола ограбили человѣка! Посадили. Кто далъ рваную сорочку, кто посконные портки; хлѣбушкомъ угощаютъ.

Поглядѣлъ-поглядѣлъ царь на этотъ хлѣбъ и не сталъ ѣсть. „Что это“, говоритъ, „нешто это хлѣбъ? Земля бѣлѣй бываетъ“.

„Ну, милый человѣкъ“, отвѣчаютъ угольщики, „другого про насъ не припасено. Коли лучшаго хлѣба хочешь, къ господамъ ступай“.

„Да нѣтъ-ли курочки сварить?“

„Курочка, братъ, давно по податной дорожкѣ въ волость побѣжала. Еще на той недѣлѣ исправникъ пріѣзжалъ, всѣхъ куръ переловилъ, за недоимки продалъ“.

„А вы что-жъ другихъ не заведете?“

„Да ты, другъ, изъ какого царства пришелъ? И рады бы завести, да заводила нѣтъ: что выработаемъ, то царю нашему несытому на подати и отберутъ, лопни его утроба“.

„Ну, ты про царя-то потише“, говоритъ на это царь: „за такія рѣчи, знаешь, и отвѣтить можно. Ты что такое? — мужикъ! А то царь! Твое дѣло работать да молчать. Какъ же ты смѣешь?...“

Досада взяла тутъ угольщиковъ; загалдѣли на него всѣ вмѣстѣ: „Ахъ ты отставной козы барабанщикъ! Ты чего-же это?! Его голожопника, одѣли, призрѣли и онъ-же насъ попрекаетъ: мужики, да мужики! Сами знаемъ, что не князья. Иди лучше, пока цѣлъ!“

А царь и не думаетъ. Всталъ, насупился, при-

нялъ грозный видъ, ровно бы онъ въ своемъ дворцѣ; кричитъ на нихъ: „Да вы знаете ли, кто я такой? Вотъ только дайте мнѣ во дворецъ возвратиться, я вамъ тогда покажу, какъ надъ природнымъ своимъ государемъ издѣваться!“

„Это не ты-ли государь и будешь?“ спрашиваетъ одинъ изъ угольщиковъ, а самъ чуть не прыснетъ со смѣху.

„Я и есть!“ отвѣчаетъ царь.

Какъ захохочутъ всѣ угольщики, — просто катаются отъ смѣха; а тамъ одинъ и говоритъ:

„Ну, утѣшилъ, ваше безпорточное величество!“

Пуще прежняго загрохотали угольщики, а царь изъ себя выходитъ отъ злости! Какія зналъ ругательства, всѣ припомнилъ. Наконецъ, надоѣло угольщикамъ брань его слушать. „Ступай“, говорятъ, „а не то мы по своему проводимъ“. Куда тебѣ! Всѣ скверныя слова перебралъ! Ну, тутъ ужъ и угольщики не стерпѣли. Дали ему по загорбку разъ и два, да по уху, да подъ бока; да по шеямъ и проводили.

Идетъ царь опять одинъ. Идетъ, гнѣвомъ такъ и пышетъ. „Ну, постой, погоди!“ шипитъ; „я вамъ покажу, канальи! Я съ вами, бунтовщиками, разсчитаюсь!... Въ порошокъ сотру и по вѣтру развѣю! Шутка-ли: на помазанника божія руку поднять! Нѣтъ, дайте срокъ!“... Злобствуетъ онъ этакъ-то, а вмѣстѣ съ тѣмъ соображаетъ, что пока не доберется опять домой, то не нужно ему себя царемъ объявлять: вишь, никто не вѣритъ! Одни непріятности; еще, пожалуй, за сумасшедшаго примутъ, да въ сумасшедшій домъ запрутъ.

Совсѣмъ ужъ поздно было, какъ добрелъ царь въ городъ. И городъ какой — не знаетъ. Ослабѣлъ совсѣмъ: голодъ-то не тетка; онъ-же по своему царскому званію и не привыкъ постничать: можно

сказать, въ дорогихъ винахъ купался, а тутъ вонъ съ утра маковой росинки во рту не было. И отъ ходьбы усталъ, и синяки болятъ. Оглянулся кругомъ, — видитъ: стоитъ онъ на городскомъ бульварѣ. Подошелъ къ скамейкѣ, повалился на нее и заснулъ, какъ убитый.

Только онъ разоспался, кто-то какъ толканетъ его — чуть плечо не вывихнулъ. Вскочилъ царь. Видитъ; — стоитъ надъ нимъ полицейскій въ формѣ.

„Ты что тутъ дрыхнешь?!“ закричалъ хожалый: „не знаешь, что на бульварахъ спать не полагается?“

„Да вѣдь бульваръ, что улица, для всѣхъ. Я же никому и не мѣшаю“, отвѣчаетъ царь.

„Не мѣшаю!“ передразнилъ полицейскій. „Туда-же, разговариваетъ! А того не понимаешь, что не порядокъ. Тутъ хорошіе господа ходятъ, а ты вонъ сквозь дырявые портки невѣжество свое имъ показываешь, неумытое твое рыло!“

Досада тутъ взяла царя. Еще-бы нѣтъ: давно-ли министры да князья перечить не смѣли, а тутъ бутырь власть надъ нимъ свою показываетъ. „Ты чего рычишь-то?“ огрызнулся онъ. „Ты здѣсь для порядка поставленъ, а вмѣсто того скандалишь да шумишь?! Ты что такое? — бутырь! — вотъ вся тебѣ цѣна“.

„А, такъ ты еще разговаривать!“ завопилъ полицейскій, да какъ хряснетъ царя разъ, другой по мордѣ, да за волосы!... Однако и царь въ долгу не остался: озлился, а мущина здоровый — на царскихъ-то хлѣбахъ мудрено-ли тѣла нагулять! Видитъ полицейскій — не одолѣть ему бродяги въ одиночку; далъ свистокъ. Налетѣли соколы съ другихъ постовъ, скрутили молодца и — въ часть. Волокутъ, а сами нещадно бьютъ. Втолкнули съ размаху въ клоповникъ, угодилъ царь головой въ параш-

ку: измазался, изгадился! Да и за то долженъ Бога благодарить: кабы въ стѣну — тутъ бы ему и конецъ.

На утро выпустили вмѣстѣ съ другими арестантами, потому что всѣ, почитай, за пьянство сидѣли. Едва-едва нашъ царь выползъ, такъ его полицейскіе обработали. Сжалились надъ нимъ два пропойца; взяли съ собой за городъ, гдѣ на мусорныхъ кучахъ босая команда гнѣздилась. Поѣсть дали, уговорили водочки выпить. Отлежись-молъ отъ побоевъ, а тамъ, можетъ, и работишка навернется, копѣйку зашибешь.

Выспался царь, отлежался, сидитъ среди золоторотцевъ, а внутри у него такъ все и кипитъ. „Каково молотятъ?“ думаетъ, „а?! Этакъ и убить не долго. И кого? кого били? Царя своего утюжили! Ну, дайте срокъ!“ . . . тутъ царь даже кулакомъ погрозилъ и вслухъ проговорилъ: „Я этого такъ не оставлю!“

„Чего это ты такъ не оставишь?“ спрашиваетъ одинъ изъ товарищей.

„А побоевъ“.

„Что-жъ, ты въ судъ, что-ли, на нихъ подашь?“

Не объ судѣ царь думалъ, а о томъ, что когда онъ опять къ власти возвратится, такъ всѣхъ этихъ подлецовъ разыщетъ и съ живыхъ шкуру сдеретъ. Но какъ не могъ онъ этого вслухъ объявить, то и схватился за слова товарища. „И то — въ судъ“, говоритъ.

Какъ загогочутъ всѣ босяки, просто катаются отъ смѣху. Вотъ, молъ, уморилъ! Ахъ шутникъ! А потомъ одинъ и говоритъ: „Ты вотъ послушай, что тебѣ Министръ скажетъ“. А министромъ босяки звали одного пропойцу, который когда то въ университетѣ высшимъ наукамъ учился и въ законахъ собаку съѣлъ да спился и на золоторотное положе-

ніе перешелъ. Вотъ этотъ самый **Министръ** и отозвался:

„Нѣтъ, въ судъ тебѣ нельзя итти. Кабы мы съ тобой были въ другомъ государствѣ, гдѣ всякій человѣкъ воленъ на чиновника въ судъ жалобу подавать безпошлинно, то бы ладно. А въ нашемъ государствѣ царь такой законъ установилъ, что на служащаго надо жаловаться не суду, а начальнику того служащаго. И если тотъ начальникъ захочетъ отдать своего служащаго подъ судъ, то отдастъ; а не захочетъ, такъ долженъ ты съ тѣмъ и отчалить. Ну, а начальство такъ разсуждаетъ, что если-де нынче одного чиновника суду предать, а завтра другого, а тамъ третьяго, такъ охулка на все правительство пойдетъ и народъ изъ повиновенія выйдетъ. Рѣдко который начальникъ рѣшится своего подчинненаго отдать подъ судъ, да и тотъ, пожалуй, до правды не доскребется!"

Задумался царь; сталъ припоминать. Точно, подписывалъ онъ такой законъ, чтобы на чиновниковъ былъ особый порядокъ суда, потому что хотѣлось ему своихъ чиновниковъ выше обывателей поставить. И стало ему досадно, — то есть вотъ какъ досадно; потому что видитъ вѣдь, что въ ту-же яму попалъ, которую для другихъ вырылъ. А все таки не хочетъ покаяться: „Что-жъ", думаетъ, „развѣ я могъ знать, что этакій случай выдетъ?!"

Стали его и другія думы одолѣвать. Сталъ онъ опасаться, какъ бы въ его отсутствіе съ царскаго мѣста замѣшательство въ управленіи не вышло. Но потомъ разсудилъ, что царская семья и любимцы скроютъ это отсутствіе и будутъ управлять его именемъ. Онъ, конечно, того не зналъ, что на его мѣстѣ Дементьичъ сидитъ и никому это невдомекъ.

Дня черезъ два прибѣжалъ на мусорныя кучи босякъ, кричитъ: „Айда, братцы, въ гавань: ше-

ница пришла! По рублю въ день за разгрузку платятъ".

Сталъ и царь четырехпудовые кули таскать. Хоть и здоровый мущина, а съ непривычки къ вечеру каждая косточка болитъ, каждая жилка дрожитъ. Проклялъ онъ свое житье. А тутъ еще подрядчикъ разсчету не даетъ — завтра, да завтра — а самъ тухлятиной кормитъ.

„Ну, нѣтъ", говоритъ Семенъ (царя Семеномъ звали): „я на это не согласенъ". Обратился онъ къ товарищамъ: „Что", говоритъ, „это такое? Не работай — денегъ нѣтъ, да въ брюхѣ болитъ, и работай — все то же. Давайте-ка, бросимъ работу, пока не станетъ путемъ кормить и разсчета не дастъ".

Забастовали они. Завертѣлся подрядчикъ. Ему бы еще только четыре дня на тухлой пищѣ да безъ разсчета дотянуть, тогда онъ самъ денежки за весь подрядъ получитъ; а до тѣхъ поръ ему не на что и провизіи купить, потому что онъ за подрядъ съ пустой мошной взялся. Видитъ Семенъ — всему дѣлу заводчикъ. Кинулся онъ къ частному приставу: — „такъ-и-такъ... бродяга народъ у меня мутитъ".

Явился приставъ на пристань; сперва уговаривать сталъ:

— „Какъ же это вы не разумѣете? Причиняете хозяину тысячные убытки; а вѣдь что ему хуже, то и вамъ хуже".

„Мы", отвѣчаетъ Семенъ, „зла хозяину не желаемъ, а только свое спрашиваемъ. У насъ только и достоянія, что горбъ; мы вольны его продавать кому хотимъ; а ежели этотъ подрядчикъ не платитъ, такъ намъ какая же неволя?!"

— „Ты бунтовать?!" кричитъ приставъ.

„Зачѣмъ бунтовать?" опять отвѣчаетъ Семенъ. „Мы бунтовать не согласны и напрасно ваше благо-

родіе такія слова говорите. Лучше бы ваше благородіе щецъ попробовали, которыми онъ насъ кормитъ: съ души, вѣдь, воротитъ!"

— „Врешь, каналья! Законъ знаешь? Не смѣешь до срока работы прекращать. Работай, а ежели претензіи имѣешь, то жалуйся — начальство разберетъ!"

— „Да на его пищѣ помрешь раньше, чѣмъ рѣшеніе выйдетъ."

— „А, ты вотъ какъ заговорилъ!" завопилъ приставъ, „ты кто такой? Паспортъ!"

Замялся тутъ Семенъ. Потому что по его царскому званію, какой же у него могъ быть паспортъ?

— „Нѣтъ?" оретъ приставъ: „взять его!"

Взяли, отвели, замкнули. Вотъ сидитъ нашъ молодецъ мѣсяцъ, и два, и четыре — нѣтъ ничего: на волю не выпускаютъ и къ допросу не зовутъ. Составили постановленіе, что-молъ обвиняется въ неимѣніи установленнаго вида и въ бродяжествѣ, числится за судебнымъ слѣдователемъ, — и сиди, пока о тебѣ вспомнятъ! Мало-ли ихъ, подслѣдственныхъ-то арестантовъ у слѣдователя на рукахъ! Еще иные за поджогъ, да за кражу со взломомъ и за прочее такое сидѣли; противъ этихъ слѣдователь спѣшилъ по горячимъ слѣдамъ улики собрать, такъ ими и занимался. А бродяга — онъ завсегда бродяга — никуда не дѣнется; онъ, значитъ, и подождетъ.

Сидѣлъ, сидѣлъ Семенъ, — ажно посѣрѣлъ отъ тюремной пищи да тюремнаго промзглаго воздуху. Наконецъ вызываютъ: „кто такой? откуда? какого званія?" Обрадовался нашъ царь. — „Вотъ", думаетъ, „когда я на царскій престолъ ворочусь!" Однако, помня, какъ ему угольщики не повѣрили, и глядя на лохмотья, да на мозоли на рукахъ, поопасился онъ прямо объявить себя царемъ, а показалъ на допро-

сѣ, будто онъ мѣщанинъ Семенъ Нечаянный, родомъ изъ столицы, гдѣ служилъ въ буфетчикахъ у генерала Шемякина. А сказалъ онъ такъ потому, что Шемякинъ этотъ былъ его, царя, любимецъ. Семенъ и разсчитывалъ, что въ столицѣ его доставятъ къ этому генералу, либо дадутъ съ нимъ очную ставку и тогда онъ откроется своему любимцу, а ужъ тотъ, конечно, все для него устроитъ и на царскій престолъ его вернетъ.

Погнали Семена въ столицу. Шелъ онъ и пѣшкомъ, по этапу, прикованный за руку къ общей цѣпи; ѣхалъ и по желѣзной дорогѣ, гдѣ напихано было столько арестантовъ въ тюремномъ вагонѣ, что онъ чуть не задохся; узналъ и слякоть, и голодъ, потому, что этапное начальство не додавало кормовыхъ... Въ сколькихъ тюрьмахъ по дорогѣ насидѣлся! Подчасъ просто зубами скрипѣлъ отъ досады, да дѣлать-то нечего! Наконецъ мѣсяцевъ черезъ пять прибылъ и въ столицу. „Ну“, думаетъ, „хвала Господу Богу: конецъ моимъ мученіямъ!“

Анъ не тутъ-то было. Очной ставки съ генераломъ Шемякинымъ Семену не дали, потому, что не зачѣмъ было и давать, а просто написали въ Мѣщанскую Управу бумагу, что-де числится ли по книгамъ мѣщанинъ Нечаянный? на что Управа отвѣчала, что такого нѣтъ и не было. Опять потребовали Семена на допросъ, а раньше того рѣшили перевести изъ Пересыльной Тюрьмы въ Тюремный Замокъ. Вотъ идетъ онъ: одинъ конвойный съ ружьемъ впереди, другой позади. И лежалъ ихъ путь мимо дворца. Вспомнилось вдругъ ему все его веселое, да сытое царское житье въ этомъ дворцѣ и застучало въ немъ сердце, ровно молоткомъ. Смотритъ онъ на дворецъ жадными глазами: „вотъ“, думаетъ, „въ той части дворца у меня пиръ былъ, на которомъ я въ первый разъ красавицу княжну Ле-

бедкину увидѣлъ; а въ угловой комнатѣ мнѣ доложили большую радость, что войска мои побѣду одержали; а вотъ изъ того дальняго, раствореннаго окна любилъ я на городъ глядѣть...“

Такъ думаючи на ходу, взглянулъ Семенъ на городъ, дескать — какъ онъ ему теперь покажется... А переднiй конвойный, который за старшаго былъ, вдругъ вытянулся въ струнку, замаршировалъ, какъ на пружинахъ и громкимъ, торопливымъ шопотомъ говоритъ заднему: „Ивановъ, держись въ струнѣ, не зѣвай по сторонамъ, — царь въ окно смотритъ!“ Пронизали эти слова Семена, ровно молнiя. Глянулъ онъ въ растворенное дворцовое окно, мимо котораго они теперь проходили, — и едва на ногахъ устоялъ! Не можетъ глазъ отвести отъ окошка, а у самого голова кругомъ идетъ, потому что въ окнѣ Семенъ увидѣлъ самого себя, въ царскомъ одѣянiи, точно такого, какимъ стоялъ годъ тому назадъ у этого-же окошка. Что такое спаси Господи и помилуй!?...

А то Дементьичъ, въ царскомъ обличьи, изъ окна дворцоваго глядѣлъ.

—„Ну, ты, острожная образина! Чего заплетаешься! Ровнѣй иди!“ крикнулъ заднiй конвойный, потому что поджилки у Семена шибко дрожали и онъ началъ отставать.

Опомнился Семенъ, подобрался. „Что же это“, думаетъ, „такое?! Вѣдь это обманъ! Обманъ это!!“ И захотѣлось ему вдругъ крикнуть на весь свѣтъ, что вотъ онъ, настоящiй-то царь; — что тотъ, въ окнѣ, самозванецъ и обманщикъ! Онъ и крикнулъ-бы, да судорога горло сдавила; не можетъ слова вымолвить... Да оно и лучше: ну кто ему, арестанту ободраному, повѣритъ?! „Острожная образина“ — вотъ его теперешнее званiе!

Повѣсилъ голову Семенъ и все-таки ничего со-

образить не может. „Нѣтъ“, думаетъ, „не можетъ этого быть. Тутъ ошибка какая нибудь“.

„Господинъ старшій!“ ,окликнулъ онъ конвойнаго (Вишь, за годъ какъ ужъ вѣжливому обхожденію обучился!).

— „Чего надо?“ отозвался тотъ.

„Про кого это вы сказали, что царь на насъ глядитъ?“

— „Про кого-же, какъ не про царя? Нешто ты не видалъ въ окнѣ раскрытомъ, во дворцѣ, какъ мимо проходили? Ровно свѣчка, горѣлъ“.

„Да вы не ошиблись-ли? Точно ли это былъ царь?“

— „Ну вотъ: еще чего скажи! засмѣялся старшій: „мнѣ, да царя не знать. Можетъ сто разъ видалъ его, вотъ какъ тебя вижу“.

Помолчалъ Семенъ, а потомъ опять:

„Да вѣдь сказываютъ, — царь, съ годъ тому будетъ, на охоту поѣхалъ, да больше оттуда не воротился“.

Семенъ это нарочно такъ сказалъ, что будто „сказываютъ“; а ему только хотѣлось у солдата правду выпытать.

— „Экой полоумный человѣкъ“! проговорилъ конвойный; „взбредетъ-же этакое на умъ. Я эту охоту отлично помню, потому что она была послѣдняя: всѣмъ извѣстно, что царь съ тѣхъ поръ на охоту не выѣзжалъ. А я въ тѣ поры у дворцовыхъ воротъ въ караулѣ стоялъ и видѣлъ — вотъ какъ бѣлый свѣтъ сейчасъ вижу — какъ царь съ той охоты воротился со всѣми князьями и господами“.

Опустилъ Семенъ голову на грудь. Ровно бы кто его обухомъ по затылку треснулъ. Непонятно-то оно непонятно, какъ все это случилось; да только отъ этого не легче. Сомнѣнья нѣтъ, что мѣсто его на престолѣ занято давно, и занято кѣмъ-то, столь по-

хожимъ на настоящаго царя, что и отличить невозможно! А коли такъ, то никому и нуждушки нѣтъ, — никто и не подозрѣваетъ, что онъ, Семенъ, настоящій царь, въ тюрьмѣ сидитъ, за безпаспортность судится! Вотъ и поди теперь, объявись, попробуй! — Живо на висѣлицѣ за самозванство ногами задрыгаешь! Дрянь дѣло. Пропащее его дѣло! Не видать ему больше царскаго житья, какъ ушей своихъ! Коротать ему остатокъ дней, какъ послѣднему поденщику! Узнать ему до конца горечь той жизни, которую самъ онъ, будучи царемъ, устроилъ своими законами да чиновниками для бѣднаго, рабочаго, сѣраго люда.... И покатились у разжалованнаго царя по лицу горькія слезы, и загрызла его впервые за сердце совѣсть!....

Замолчалъ съ тѣхъ поръ Семенъ и не сталъ болѣе ничего отвѣчать на допросахъ. Да и что ему было отвѣчать? Сказать про себя правду — опасно, а врать — смысла нѣтъ.

Черезъ семь мѣсяцевъ вышло ему рѣшеніе. Привели въ судъ, прочитали: „По указу его величества“, „на основаніи девятьсотъ пятьдесятъ первой статьи Уложенія о Наказаніяхъ“, какъ безпаспортнаго бродягу, не открывающаго своего званія, выдержать четыре года въ арестантскихъ ротахъ, а потомъ сослать въ Сибирь. „Не можетъ этого быть!“ говоритъ Семенъ; „дайте мнѣ прочесть эту самую статью!“ Дали ему законъ, указали статью — такъ точно, все вѣрно! И встало вдругъ передъ его глазами таково живо, какъ одинъ судья ему доказывалъ, что несправедливо человѣка къ тяжкому наказанію присуждать за то только, что онъ не открываетъ своего имени, потому что-де иной вовсе не по злому умыслу скрывается. А онъ, царь, тогда не послушалъ судью праведнаго, не захотѣлъ отмѣнить неправаго закона. „Сама себя раба бьетъ, коль не чисто жнетъ!“

Отдали его въ арестантскія роты. Чего онъ тутъ только не принялъ: и розгами его пороли, и голодомъ и работой морили, и въ темныхъ холодныхъ карцерахъ держали — и все больше за то, что за человѣка себя считалъ, передъ смотрителемъ шапку не охотно скидалъ, передъ надзирателями не унижался. Вотъ разъ сидитъ онъ такъ-то въ карцерѣ и день, и два, и три, и заскучалъ нашъ царь. „Господи", думаетъ, „сколько неправды въ моемъ царствѣ дѣлается, сколько слезъ проливается и всему я виной!" А другая причина его тоски: стало тянуть его на волю. Хоть бы, думаетъ, однимъ глазкомъ на свои мѣста поглядѣть! Не то, чтобы Семенъ опять въ цари попасть хотѣлъ — гдѣ ужъ! Теперь, какъ совѣсть его зазрила, какъ увидѣлъ онъ во очію, сколь мало добра царь можетъ сдѣлать и сколь много зла, такъ о царскомъ званіи не иначе какъ со страхомъ думалъ.... А тянуло его по знакомымъ мѣстамъ походить, знакомыхъ людей хоть издали повидать.... И запѣлъ онъ съ тоски пѣсню, которую часто пѣвалъ, когда еще царемъ былъ. Тогда то онъ ее пѣвалъ отъ сытости, а теперь запѣлъ съ кручины.

А ключникомъ въ томъ отдѣленіи тюрьмы былъ отставной дворцовый служитель. Услышалъ онъ пѣсню и остолбенѣлъ. „Господи!" думаетъ; „да вѣдь это царь поетъ! Сколько разъ я слыхалъ, какъ онъ эту самую пѣсню пѣлъ, когда я во дворцѣ во внутреннихъ покояхъ дежурилъ!" Слушалъ-слушалъ, потомъ взялъ фонарь, освѣтилъ арестанта въ карцерѣ и глядитъ на него сквозь дверное окошечко: „Сомнѣнья нѣтъ — онъ, царь!" Семенъ давно обросъ бородой, она и мѣшала признать его; а теперь онъ сидѣлъ, подперши голову рукой: борода-то была закрыта. Ключникъ такъ и обмеръ. Не знаетъ, что ему и дѣлать. Наконецъ осмѣлился и говоритъ шепоткомъ: „Ваше величество! ваше величество!" Семенъ

перестал пѣть, насторожился, подошел къ двери, а ключникъ ужъ и засовъ отодвигаетъ, да не ладно: руки дрожатъ съ перепугу. Отворилъ, наконецъ, дверь и прямо Семену въ ноги: „не велите казнить, велите миловать!“

Видитъ Семенъ: часъ его пришелъ. „Ну“, говоритъ, „коли ты меня призналъ, то сдѣлай мнѣ такое одолженіе, отпусти меня на волю“.

—„Помилуйте“, отвѣчаетъ ключникъ; „да не то что отпустить, я животъ свой радъ положить за государя моего! извольте сейчасъ выйти и объявиться, Ваше Величество!“

Испугался Семенъ. „Да“, думаетъ, „только объявись—то либо новый царь, какъ самозванца, повѣситъ, либо народъ за прежнія мои дѣла растерзаетъ! Да хотя бы и нѣтъ,—неужто опять за беззаконныя дѣла приниматься,—опять изъ живыхъ людей сокъ высасывать?! Нѣтъ, не хватитъ совѣсти!“

Ключнику онъ, однако, не сталъ всего этого говорить. Дворцовая крыса нешто пойметъ?!... Поэтому Семенъ принялъ только царственный видъ и промолвилъ: „Объявляю тебѣ, вѣрный рабъ, мое царское спасибо. Объявиться же мнѣ народу—время не пришло еще. Но вмѣстѣ съ тѣмъ прошу и повелѣваю: выведи меня отсюда; самъ же молчи до времени“.

На томъ и порѣшили. Извѣстно, ключникъ всѣ порядки тюремные зналъ; такъ когда Семена выпустили изъ карцера, ключникъ его и обрилъ, и переодѣлъ, и изъ тюрьмы вывелъ, да и въ отвѣтѣ не остался. Приказалъ ему Семенъ строго на строго молчать. Однако ключникъ не могъ утерпѣть. Сталъ онъ съ разными своими пріятелями потихоньку объ этомъ дѣлѣ говорить. И пошелъ съ тѣхъ поръ слухъ промежду людей: что на престолѣ сидитъ не насто-

ящій царь; настоящій-же ходитъ-де въ народѣ и скоро объявится.

* * *

Въ царяхъ, тѣмъ временемъ, дѣйствительно, ходилъ справедливый и умственный человѣкъ Иванъ Дементьичъ Красноперовъ, и нужно теперь разсказать, какъ онъ въ царское положеніе вступилъ и какъ въ немъ управлялся.

Утромъ, на другой день послѣ охоты Иванъ Дементьичъ по привычкѣ просыпался нѣсколько разъ; откроетъ глаза — темно, онъ и заснетъ опять. Ему и не въ домекъ, что свѣта въ комнатѣ нѣтъ отъ того, что окна тяжелыми бархатными занавѣсками позавѣшены, чтобы свѣтъ не безпокоилъ почивающее царское величество. Наконецъ, пришелъ Дементьичъ въ себя и чувствуетъ, что не просто онъ лежитъ, а можно сказать — покоится: и рука у него въ спокоѣ, и нога въ спокоѣ, и голова въ спокоѣ, и весь онъ въ полномъ спокоѣ; не чувствуетъ даже, на чемъ лежитъ, потому что подъ нимъ шелкъ и надъ нимъ шелкъ, всюду пружинные тюфяки да пуховыя подушки подстроены и воздухъ вокругъ легкій-прелегкій. Сталъ онъ вспоминать, что и какъ, и нашло на него раздумье: хорошо-молъ царямъ спать, только я-то тутъ не за тѣмъ, чтобы нѣжиться. „Тяготы людскія облегчить, справедливость утвердить — вотъ я зачѣмъ произволеніемъ Господнимъ въ цари поставленъ“. И умилилась душа его и раздумался онъ, какъ ему за дѣло приняться? Не иначе, что перво-наперво осмотрѣться надо. Не зная порядковъ, да ежели поспѣшишь, такъ только людей насмѣшишь. Сказано: разъ отрѣжь, да прежде семь разъ отмѣрь. „Господи!“ думаетъ; „помоги рабу твоему гордыхъ смирити, недостойныхъ отмести, страждущихъ успокоить, правду соблюсти!“

Попался тутъ ему толстый шелковый шнурокъ подъ руку. Схватился онъ за него, чтобы на постели приподняться, потянулъ и отдернулъ занавѣску — свѣтло стало: такъ ужъ оно было пристроено. Глядитъ Дементьичъ — лежитъ онъ на широкой, преширокой двуспальной кровати и подушки для двоихъ положены. И ударило вдругъ его въ голову, что вѣдь у прежняго царя царица есть.... а онъ, Дементьичъ, замѣсто того царя сталъ... Какъ-же теперь? Неужто-жъ съ чужой женой жить, да еще съ царицей? Положимъ, сейчасъ ея на постели съ нимъ почему-то нѣтъ. Но вѣдь это не иначе, какъ случай такой, — можетъ она въ отлучкѣ гдѣ-нибудь... А вѣдь когда-же нибудь воротится, потому что жена при мужѣ должна быть. Какъ же тогда? А вѣдь у него у самого въ деревнѣ жена осталась, сыновья взрослые... Эхъ, неловко!

Не успѣлъ онъ какъ слѣдуетъ пораздуматься, какъ отворилась дверь и безшумно вошелъ лакей, сталъ умываться и одѣваться подавать. Прибирается Красноперовъ, а самъ все о царицѣ думаетъ.

А онъ того не зналъ, что у царей нѣтъ такого заведенія, чтобы одну комнату сообща занимать: царь живетъ на своей половинѣ дворца, царица на своей и сходятся только отъ времени до времени. А царь Семенъ со своей супругой ужъ шестой годъ и не сходились въ спальнѣ, потому что жили врозь и оба любовницамъ да любовникамъ и счетъ потеряли. Стало быть, Ивану съ царицей никакого неудобства не предстояло.

Все это Красноперовъ узналъ со временемъ и успокоился; но спервоначалу очень ему было неловко.

Одѣлся Иванъ Дементьичъ, позавтракалъ и сейчасъ докладываетъ ему дежурный камергеръ, что въ пріемной залѣ разные чины собрались, которые нынче допущены къ царскому пріему. Вышелъ Краснопе-

ровъ въ залу, повелъ бровью — царь-царемъ. Всѣ ему поклонились и самъ онъ оглядѣлъ всѣхъ и чуть-чуть головой шевельнулъ, — на привѣтъ, стало быть, отвѣтилъ. Тутъ онъ впервые и царицу и кое кого изъ царской фамиліи увидѣлъ, которые теперь, стало быть, родственниками его считались. Всѣ бѣлые, да крупитчатые, а по французски такъ и лопочутъ. Близко къ царскому престолу стоялъ сводный братъ царя, великій князь Еремѣй, не старый еще мущина въ генеральскомъ мундирѣ, изъ себя плюгавый, съ глазами на выкатѣ и нахальной повадкой. Непоглянулся онъ Дементьичу и подумалъ Красноперовъ: „надо къ этому хорошенько присмотрѣться, что за птица“.

Начался пріемъ.

Важный дворцовый чиновникъ сталъ подводить къ царю посѣтителей одного за другимъ: подведетъ, отрекомендуетъ — кто такой, какую должность занимаетъ, какъ зовутъ; тотъ поклонится, постоитъ, царь кивнетъ головой или слово промолвитъ; посѣтитель опять поклонится и отойдетъ къ сторонкѣ. Кого-кого тутъ не было: и иностранные послы, и губернаторы, и генералы, и адмиралы, и сенаторы, и всякіе другіе чины. Часа два битыхъ продолжался пріемъ. Не успѣлъ царь еще всѣхъ принять, какъ докладываютъ ему, что пора въ манежъ ѣхать, смотръ гвардіи дѣлать.

Пока четыре полка передъ нимъ прошли — у него и подъ ложкой засосало. Закусилъ онъ по царски, только всталъ изъ-за стола, говорятъ ему: министръ двора проситъ позволенія доложить насчетъ новаго дворца, постройкой котораго его величество приказали спѣшить. Оказалось — денегъ отпущенныхъ не хватаетъ. Велѣлъ Дементьичъ пріостановить постройку.

Только думалъ передохнуть — говорятъ: пожалуйте

Морской Корпусъ посѣтить; давно-де кадеты его величества не видали, а они вѣдь будущіе офицеры, опора престола; надо ихъ заранѣе приголубливать. Съѣздилъ въ Корпусъ, одѣлилъ кадетъ яблоками да грушами; прокричали ему „уру". Только воротился во дворецъ, докладываютъ: черезъ три дня имянины великой княжны Елены и какъ его величество желали сдѣлать ей подарокъ, то приказали лучшихъ бриллiантовыхъ вещей доставить для выбора; такъ неугодно ли, дескать, посмотрѣть: принесены. Пошелъ Иванъ глядѣть: ожерелья, запонки, серьги такъ и сіяютъ; за что ни возьмется — то двѣсти тысячъ, то шестьдесятъ тысячъ, то семьдесятъ пять! „Да нѣтъ-ли чего подешевле?" спросилъ Красноперовъ. Только онъ выговорилъ это слово, какъ всѣ, кто тутъ стоялъ изъ придворныхъ, такъ и забѣгали глазами, ровно бы царь глупость какую сморозилъ, или непристойное что сказалъ. Однако одинъ чиновникъ выдвинулся впередъ и говоритъ:

— „Осмѣлюсь напомнить, государь, что у вашего величества имѣется для подарковъ множество превосходныхъ драгоцѣнныхъ вещей, изготовленныхъ на казенныхъ фабрикахъ".

„Пойдемте туда", сказалъ Дементьичъ.

Пошли. Господи, чего только онъ тамъ не увидѣлъ! — и перстни, и табакерки золотыя, съ яхонтами да алмазами, и огромныя чаши изъ цѣльнаго самоцвѣтнаго камня, и статуи. и чего-чего только нѣтъ! Полки отъ драгоцѣнностей ломятся; а прежнему царю, вишь, все было мало: еще на сторонѣ для своихъ любимицъ заказывалъ, да народныя денежки пошвыривалъ!

Выбралъ Красноперовъ подарокъ и объясняютъ ему, что какой то полковникъ новые ружейные пріемы выдумалъ, такъ не желаетъ ли его величество посмотрѣть? Позвали полковника: бравый молодецъ.

Сталъ онъ ружьемъ артикулы выкидывать и такъ и этакъ.

„Въ чемъ же польза новыхъ этихъ пріемовъ?“ спрашиваетъ Дементьичъ.

— „А много молодцоватѣй выходитъ, ваше величество“, отвѣчаетъ тутъ одинъ изъ генераловъ.

„А легче ли отъ того солдату и лучше ли онъ стрѣлять и команду понимать будетъ?“

—„На этотъ счетъ, ваше величество, что-же безпокоиться“, отвѣчаютъ ему; „легче оно не будетъ; пожалуй, труднѣе; такъ вѣдь солдатъ молодецъ, онъ все долженъ преодолѣть“.

„Ну“, говоритъ Иванъ Дементьичъ;„ежели отъ того пользы нѣтъ, такъ не зачѣмъ и вводить новые артикулы“. Только сказалъ онъ это, глядитъ — а великій князь Еремѣй, поднявши брови, на него смотритъ — вотъ какъ на явныхъ дураковъ добрые люди смотрятъ; но какъ только замѣтилъ, что и царь на него глядитъ, то сейчасъ принялъ подчиненный видъ. „Нуженъ за этимъ сморчкомъ глазъ“, подумалъ Красноперовъ. Времени за пробой артикуловъ прошло порядочно; пора ужъ и обѣдать. То есть по крестьянски то надо бы ужъ ужинать; а по царски только еще обѣдать! Пообѣдалъ Иванъ — и докладываютъ ему, что представленіе въ театрѣ его дожидается. Думалъ было онъ отказаться ѣхать въ театръ; да какъ только заикнулся объ этомъ, такъ всѣ придворные кругомъ такія сдѣлали жалостныя лица, точно у нихъ отецъ родной померъ.

„Что это вы, господа? Кого хоронить собрались?“ спрашиваетъ ихъ Красноперовъ.

— „Какъ-же, государь“, отвѣчаетъ тутъ одинъ генералъ: „вѣдь ужъ объявлено, что ваше величество изволите быть въ театрѣ. Ежели теперь отложить, то пойдетъ слухъ, что ваше царское величество из-

волили захворать и смущеніе въ народѣ можетъ быть“.

Нечего дѣлать, поѣхалъ.

Только въ одиннадцатомъ часу ночи воротился Красноперовъ во дворецъ. Поужиналъ, какъ слѣдуетъ, выпилъ малость — „чтожъ“, думаетъ, „не пить, не ѣсть, коли даютъ!“ — тутъ и спать пора. Пришелъ къ себѣ и таково сладко потянулся! Смѣшно ему стало: вотъ, думаетъ, и не работалъ, а усталъ; занятъ былъ весь день, а что путнаго сдѣлалъ?!

* * *

Всего одинъ день пробылъ Дементьичъ въ царяхъ, и правду истинную онъ въ концѣ того дня сказалъ себѣ, что ничего во весь день не сдѣлалъ, а между прочимъ этого пустого дня оказалось достаточно, чтобы все дворцовое болото всколыхнулось. Всѣ придворные замѣтили въ царѣ перемѣну и насторожились. По наружности-то царь былъ все такой-же; но никогда прежде не бывало, чтобы онъ на свои прихоти денегъ пожалѣлъ, или ружейными пріемами пренебрегъ. А тутъ на-поди: „постройку самаго лучшаго дворца пріостановилъ! Ея высочеству принцессѣ Еленѣ подарка купить поскупился! Браваго полковника съ его новыми артикулами оконфузилъ и — чего ради? Для солдатъ, вишь, труднѣе будетъ! Солдата надобно закалять; а не то вѣдь и распустить его не долго!“

Такъ шушукались между собой придворные. Особенно великій князь Еремѣй былъ недоволенъ и въ кругу своихъ приближенныхъ громко насмѣхался надъ царемъ. „Прижимистъ сталъ нашъ батюшка: скоро, пожалуй, подметки усчитывать станетъ!“ хохоталъ онъ раскатистымъ смѣхомъ. Были и такіе, что намотали себѣ царскія новшества на усъ и обдумывали, какъ бы царю сердобольными да береж-

ливыми показаться, надѣясь тѣмъ ему потрафить и попасть въ любимцы.

А Дементьичъ ничего этого не видитъ и не слышитъ. Безъ ослабленія свою линію гнетъ. Нынче расходъ на содержаніе дворца уменьшитъ; завтра губернатора за жестокое обращеніе съ крестьянами смѣнитъ; послѣ завтра офицерика молоденькаго въ растегнутомъ мундирѣ встрѣтитъ — вниманія не обратитъ... Всякій день что нибудь новое приноситъ. А много-ли отъ того было народу пользы? Да ни на макову росинку! Попрежнему зорили его подати; попрежнему отнимала рекрутчина лучшихъ работниковъ; попрежнему не было житья отъ чиновниковъ: одного изъ тысячи Дементьичъ прогонитъ, а девятьсотъ девяносто девять попрежнему сосутъ да жмутъ! Поэтому среди народа даже и не замѣтно было, что въ царскихъ распоряженіяхъ есть какая то перемѣна. За то въ царскихъ да великокняжескихъ дворцахъ, да между высшими чиновниками Красноперовскія новшества плодили ему больше да больше враговъ; — да не какихъ нибудь: въ глаза-то покорные слуги, а за глаза готовы живымъ съѣсть, ни за ломаный грошъ продать! Всѣ уволенные по распоряженію Ивана дармоѣды, жестокіе правители и обиженные его справедливостью чины, что дальше, то больше злобствовали, а великій князь Еремѣй пользовался этимъ и подбиралъ изъ нихъ себѣ сторонниковъ, выжидая удобнаго случая, чтобы спихнуть сводного брата съ царства и сѣсть на престолъ самому.

Иные чиновники, желая выслужиться, доносили царю о томъ что вокругъ него неспокойно; да Красноперовъ въ одно ухо доносъ впуститъ, а въ другое выпуститъ. Не любилъ онъ наушниковъ и не довѣрялъ имъ: наушникъ не дорого возьметъ и наплести, лишь-бы награду получить. Опять-же снаружи

ничего не было замѣтно: всѣ ему попрежнему въ въ глаза глядѣли. Если-же Еремѣй и затѣялъ что недоброе, такъ „что-же“, думаетъ Иванъ, „онъ можетъ одинъ сдѣлать? — Армія въ моихъ рукахъ; полиція, чиновники — тоже; казна — тоже. Нѣтъ, я еще покруче примусь. Надо народу поскорѣе настоящее облегченіе сдѣлать. Пора. Второй годъ царствую, всѣ и дѣла и пустяки государственные знаю; пора!“

Сказано — сдѣлано. Призвалъ онъ къ себѣ министра финансовъ (который всѣми государственными доходами и расходами завѣдуетъ) и говоритъ ему:

„Желаю я облегчить крестьянство отъ податей. Вижу, что непосильныя на крестьянъ подати наложены и желаю ихъ пока на половину уменьшить“.

Вскинулъ министръ на Дементьича глазами, ровно бы впервые его увидалъ; да какъ замѣтилъ, что взглядъ у царя твердый, такъ у него у самаго глаза такъ и забѣгали, будто двѣ мыши.

— „Слушаю“, говоритъ, „ваше величество. А откуда прикажете взять денегъ на пополненіе казны? Ежели половину крестьянскихъ податей похерить, то и доходъ казенный мало не уполовинится; а у насъ одна армія, да флотъ двѣ трети теперешняго дохода съѣдаютъ“.

„Не безпокойся“, отвѣчаетъ Красноперовъ: „я этотъ расходъ на многіе милліоны со счетовъ скину, потому что я рѣшилъ рекрутчину уничтожить“.

Какъ сказалъ онъ это, такъ министръ и ротъ разинулъ. Однако сейчасъ спохватился, заморгалъ — заморгалъ глазами и говоритъ: — „Слушаю-съ. Стало быть изволите, ваше величество, съ военнымъ министромъ переговорить? Когда съ нимъ объ рекрутчинѣ порѣшите, тогда виднѣй будетъ, какъ съ податьми быть“.

Откланялся министръ финансовъ, идетъ и думаетъ: — „Потолкуй съ военнымъ-то, потолкуй! Онъ тебѣ акафистъ прочитаетъ!“

И точно. Едва Красноперовъ сказалъ генералу, который военнымъ министерствомъ завѣдывалъ, что хочетъ рекрутчину уничтожить, какъ тотъ напыжился, ровно индюкъ и побагровѣлъ, будто свекла: мущина былъ тучный и горячій.

— „Воля вашего величества“, говоритъ: „а только какъ же мы будемъ отъ сосѣдей отбиваться, ежели нападутъ?“

„А очень просто“, отвѣчаетъ Иванъ Дементьичъ. „Мы постояннаго войска оставимъ самую малость, было бы только кому обучать народъ воинскому строю, да завѣдывать пушками, понтонами, крѣпостями и прочимъ. Заведемъ мы по всѣмъ деревнямъ и городамъ стрѣльбища, чтобы по праздникамъ и въ свободное время народъ самъ собой обучался стрѣлять. Разъ въ годъ на шесть недѣль будемъ собирать всѣхъ мущинъ, которые на очереди, по уѣздамъ въ лагери и обучать ихъ воинскому строю. Ружье и аммуницію пусть каждый у себя дома держитъ. Стало быть, если какая надобность будетъ, мы ихъ можемъ въ три дня всѣхъ собрать и будетъ у насъ армія больше нынѣшней. А въ прочее время пусть каждый человѣкъ при своемъ дѣлѣ состоитъ. Ему тогда ни убытка, ни огорченія нѣтъ, а казнѣ прибыль. Ты только подумай: теперь мы сколько сотенъ тысячъ солдатскихъ ртовъ круглый годъ кормимъ; а если по моему сдѣлать, то всего шесть недѣль ихъ надо кормить. Опять-же многое множество казармъ и военныхъ складовъ не надо содержать, потому что жить и оружіе и форму свою держать всѣ будутъ дома. Это такая будетъ экономія, что я половину податей съ крестьянскихъ плечъ скину!“

Воззрился министръ на Дементьича, побагровѣлъ пуще прежняго; сказать ничего не можетъ. Ужъ такъ ли хочется ему царя крѣпкимъ словомъ обругать — такъ не смѣетъ. Наконецъ, поворочалъ бѣлками, прочистилъ горло, и прохрипѣлъ: —„Да какіе-же это солдаты будутъ? Лопатами да вилами, что-ли, артикулы выкидывать станутъ? Да онъ и носка вытянуть не съумѣетъ, выправки въ немъ никакой не будетъ".

— „А какой тебѣ выправки для защиты отечества? Стрѣлялъ бы хорошо, понятливъ бы былъ, да слушался бы команды. А это онъ все произойдетъ!"

— „Нѣтъ ужъ, государь", возражаетъ министръ; „старъ я, чтобы за мою вѣрную службу подъ конецъ жизни вмѣсто солдатъ сиволапымъ мужичьемъ командовать! Ужъ не знаю, чѣмъ я прогнѣвилъ васъ, что изволите надо мною такую шутку шутить!"

Съ тѣмъ военный министръ и ушелъ. Идетъ въ свое министерство — пыхтитъ; пришелъ — рветъ и мечетъ. Призвалъ онъ своего помощника, генерала Перелетова.

— „Вотъ", говоритъ, „какія дѣла! Совсѣмъ у насъ царь съ ума спятилъ!"

Но Перелетовъ былъ совсѣмъ иного калибра человѣкъ, чѣмъ его начальникъ. Онъ не сталъ кипятиться. Подождалъ, пока министръ поостылъ, да потомъ осторожнымъ манеромъ и замѣчаетъ:

— „Позвольте вашему высокопревосходительству доложить, его величество вовсе съ ума не спятилъ. Онъ знаетъ, чего ему надо. Этакое ополченіе, о которомъ онъ вашему высокопревосходительству говорилъ, существуетъ въ иныхъ земляхъ и даже лучше нашей арміи дѣйствуетъ. Но только, конечно, насъ отъ такого ополченія Боже сохрани и помилуй. Теперь строевой солдатъ за время службы отвыкнетъ и отъ дома, и отъ деревни; если мужикъ откажет-

ся подати платить или о своихъ правахъ больно много разговаривать станетъ, то мы противъ него войска поведемъ, и солдатъ мужика и драть, и стрѣлять станетъ. А тогда ужъ нѣтъ! Ополченская армія — это тѣ же мужики, да обыватели, и они противъ самихъ себя не пойдутъ. Если же на мужика ни угрозы, ни принужденія нѣтъ, какой чортъ велитъ ему надрываться, чтобы подати непосильныя платить?! А подати уменьшатся, намъ тогда, чиновнымъ людямъ, крышка; потому что — гдѣ же взять тѣ многіе милліоны денегъ, которые нужны на жалованье, да награды?!"...

Вспылилъ тутъ опять военный министръ.

— „Что же", кричитъ, „по вашему, значитъ, это очень хорошо царь выдумалъ крышку намъ дать?!"

— „Зачѣмъ?!" возражаетъ помощникъ. „Намъ царской выдумкѣ ни подъ какимъ видомъ нельзя дать хода. Только надо все это умненько да смирненько сдѣлать. Вы, ваше высокопревосходительство, царю ни въ чемъ не перечьте, на все соглашайтесь. Только объясните его величеству, что сразу такого дѣла сдѣлать нельзя; нужно-де время. Ну, а тамъ начнемъ собирать справки, да обсуждать дѣло въ коммиссіяхъ да въ комитетахъ, словомъ — по канцеляріямъ таскать...."

— „Ха-ха-ха!" захохоталъ министръ; „это такъ! Это вѣрно! и въ сто лѣтъ народнаго ополченія не введемъ! Умный ты человѣкъ, Дмитрій Степанычъ! Быть тебѣ министромъ! Смотри, меня прежде времени не съѣшь!"

Посмѣялись они; потомъ военный министръ возвратился къ царю, говоритъ: —„Простите, государь, стараго слугу; погорячился я. Все будетъ сдѣлано".

А Дементьичъ тому и радъ. Потрепалъ генерала по плечу: „Давно-бы такъ!"

Народъ между тѣмъ ждетъ-пождетъ облегченія —

нѣтъ ничего: ходоки отъ Бога не возвращаются, а на неправеднаго царя ужъ и сами давно перестали надежды возлагать. И стали приходить отовсюду въ столицу плохія вѣсти. Прежній то царь расплодилъ доносчиковъ да соглядатаевъ разныхъ тьму тьмущую по всему царству, и хотя Дементьичъ не любилъ наушничества, а все ужъ разъ въ недѣлю, а то и чаще, докладывалъ ему начальникъ по шпіонской части, что было подслушано да подсмотрѣно, вислѣжено да дознано. И слышитъ Иванъ: тутъ царя проклинали, желая ему не дожить до завтрашняго дня; тамъ мостъ подпиленъ, черезъ который должно было царю проѣзжать; въ третьемъ мѣстѣ въ генерала стрѣляли, который на „усмиреніи“ нещадно крестьянъ поролъ; въ четвертомъ — краснаго пѣтуха въ царскомъ имѣніи пустили... А со всѣхъ сторонъ стонъ народный да скрежетъ зубовъ такъ и несется!...

„Хорошо“, думаетъ Дементьичъ, „что я съ военнымъ министромъ сладилъ. Мѣсяцевъ черезъ пять мы народное ополченіе введемъ; тогда сейчасъ я податную тяготу уменьшу на половину, а тамъ и другія облегченія пойдутъ!“

Да не тутъ-то было. Прошло и шесть, и восемь, и десять мѣсяцевъ, — все ничего нѣтъ. Началъ Красноперовъ торопить военнаго министра, но тотъ спѣшить съ ополченіемъ не сталъ, а вмѣсто того давай всей царской фамиліи и высшимъ сановникамъ дуть въ уши, что вотъ-де какія дѣла царь затѣялъ: скоро всему дворянству и чиновничеству крышка.

Зашевелилось все дворцовое болото, а пуще всѣхъ великій князь Еремѣй. Прежде всего отправился онъ на царицыну половину дворца, проситъ ея величество допустить его къ секретному разговору. Ввели его. Онъ и начинаетъ: такъ и такъ — „изволили ваше величество, слышать, какія перемѣны супругъ

вашъ и нашъ всемилостивѣйшій государь приказалъ ввести?“

„Какъ же“, отвѣчаетъ царица; „но я, вѣдь, въ военной службѣ не служу“, засмѣялась она, поправляя ожерелье, чтобы выказать свою красивую, выхоленную руку и бѣлую шею; „такъ мнѣ все равно“.

„Не смѣю вѣрить, ваше величество!“ вскричалъ Еремѣй, играя глазами; „я знаю, что будучи царицей надъ всѣми женщинами по красотѣ, ваше величество также истинная царица надъ всѣми подданными по вашей ангельской добротѣ и не можете оставить безъ вниманія новшествъ государя, такъ какъ онѣ безмѣрно облегчатъ трудовой народъ“.

„Въ самомъ дѣлѣ?“ спросила царица, чтобы только что нибудь спросить.

„Да. По новому положенію многія военныя должности будутъ совсѣмъ уничтожены и половина оставшихся офицеровъ уволена въ запасъ. Генералу Чечелеву, напримѣръ, придется подать въ отставку и едва-ли онъ получитъ другое мѣсто съ такимъ жалованьемъ и положеніемъ“.

„Неужели“? спросила царица, замѣтно встревожившись. А Еремѣй на то и билъ. Онъ хорошо зналъ, что Чечелевъ ея любовникъ и что теперь царица, ради сохраненія своему любимцу мѣста, будетъ противъ новыхъ затѣй царя. Взвинтивъ ее еще, великій князь откланялся, а самъ постарался встрѣтиться съ старшей царской сестрой, принцессой Надеждой. Онъ хорошо зналъ, что у этой вздорной старой ханжи ума и на конецъ шила не было; за то она была упряма, какъ коза, назойлива, какъ оса. Поэтому архіереи и митрополиты стояли за нее горой, а при дворѣ всѣ ея боялись и старались не перечить. Она считала, что измѣнять что бы то ни было въ распоряженіяхъ покойнаго царя, ея отца, былъ величайшій грѣхъ и несчастье. Достаточно было объяснить

ей, что нынѣшній царь совершенно отмѣняетъ воинскій уставъ, введенный покойнымъ царемъ, чтобы сдѣлать изъ нея злѣйшаго врага новыхъ распоряженій.

Работаетъ Еремѣй. Одному скажетъ: „Я слышалъ, въ вашемъ имѣніи усмиреніе крестьянъ было? Хорошо, что до новаго воинскаго устава случилось, а то, какъ введутъ народное ополченіе, тогда ужъ ополченцы-то сами себя не пойдутъ усмирять“... Другому замѣтитъ, что при новомъ положеніи нельзя ужъ будетъ неспособныхъ сыновей въ офицеры пристраивать. Барынь придворныхъ пугнетъ тѣмъ, что царь, изъ бережливости, такъ урѣжетъ жалованье ихъ мужьямъ, что барынямъ ужъ полно въ шелкъ да кружева наряжаться.... Ну, словомъ, всѣхъ противъ царя настроилъ. И вотъ навалилась вся эта арава на Дементьича: уговариваютъ, плачутъ, жалуются, ноютъ, упрашиваютъ, — чтобы бросилъ онъ свои новшества, оставилъ военную службу по старому и не уменьшалъ крестьянскихъ податей. Нѣтъ ему покоя ни днемъ, ни ночью.

Однако и Красноперовъ не даромъ кремень-мужикъ выдался. Сколько ни приставали къ нему — и принцесса Надежда со своими архіереями, и супруга, и великіе князья съ княгинями, и разные сановники — всѣмъ одинъ отвѣтъ:

— „Я самодержецъ въ моемъ государствѣ; что хочу, то и дѣлаю. И лучше бы вы поскорѣе привыкали къ новымъ порядкамъ, потому что и не то еще увидите: я вотъ скоро всѣ земли крестьянамъ отдамъ. Будетъ ужъ вамъ, пустоплясамъ, изъ мужика сокъ выжимать; пора и ему человѣчьей жизнью пожить!“

Какъ сказалъ онъ это — ровно масла въ огонь подлилъ. Въ глаза то ему никто не перечитъ и покорство показываетъ; за то за глаза всякій спитъ

и видитъ, какъ бы его сократить. А Еремѣй такъ и юлитъ.

Вотъ по маломъ времени и собрались у Еремѣя старшіе члены царской фамиліи, только безъ царя, конечно, — а также самые важные сановники недовольные. И завели они рѣчь о томъ, что царь — то есть, стало быть, Дементьичъ — не въ своемъ умѣ; что нужно поэтому правленіе изъ его рукъ взять, а надъ нимъ поставить опекуна и пусть-де этотъ опекунъ управляетъ государствомъ отъ царскаго имени.

„Сдѣлать это не трудно“, сказалъ генералъ Перелетовъ, который тоже былъ приглашенъ на совѣтъ; „офицеры и солдаты его высочества великаго князя Еремѣя пойдутъ за нимъ куда угодно. Я выберу самыхъ надежныхъ и великій князь арестуетъ его величество со всею почтительностью, подобающею его сану; мы помѣстимъ его во внутреннихъ покояхъ дворца подъ надзоромъ докторовъ и испытаныхъ офицеровъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ опубликованъ будетъ манифестъ о томъ, что государь безнадежно заболѣлъ и потому надъ нимъ учреждено попечительство“.

Тутъ же великій князь Еремѣй назначенъ былъ опекуномъ и поручено ему при первой возможности устроить все дѣло, а помогать ему во всемъ долженъ былъ военный министръ. И быть бы бычку на веревочкѣ, кабы не одна закорючка...

Когда помощникъ военнаго министра предложилъ свои услуги для ареста царя (т. е. Красноперова) онъ разсчитывалъ, что будетъ при Еремѣѣ первымъ послѣ него человѣкомъ. Но Перелетову никто не довѣрялъ, такъ какъ всѣ знали его двуличность и умъ; вотъ почему главнымъ пособникомъ Еремѣю назначили военнаго министра, а Перелетовъ остался на бобахъ. Но Перелетовъ былъ не изъ тѣхъ, что

чужими объѣдками сыты бываютъ; онъ самъ норовилъ самую крупную дичь сглонуть. Поэтому, проводивши улыбками всѣхъ, кто былъ на совѣщаніи, онъ самъ взялъ извощичью карету и отправился къ Ивану Дементьичу.

„Великій государь!“ вскричаль Перелетовъ, вбѣгая безъ доклада въ царскій кабинетъ; „вамъ грозитъ смертельная опасность... такъ и такъ“... и онъ разсказалъ, что было рѣшено у Еремѣя. „Я тоже былъ на этомъ собраніи“, продолжалъ генералъ, „но — какъ вѣрный слуга вашего величества, и теперь спасу васъ. Еще есть время. Извольте сѣсть въ простую карету, въ которой я пріѣхалъ и отправляйтесь въ мой домъ; тамъ вы будете, государь, въ полной безопасности; я арестую великаго князя Еремѣя и главныхъ зачинщиковъ“.

Разсчетъ Перелетова оказался вѣрнымъ. Еремѣй былъ арестованъ и сосланъ на далекую окраину государства подъ постоянный надзоръ. Военный министръ и другіе умышлявшіе сановники были отрѣшены отъ должностей и посажены въ крѣпость, а Перелетовъ сталъ министромъ и довѣреннымъ лицомъ у государя.

— „Господи!“ думалъ Иванъ Дементьичъ, „сколь я къ этому человѣку несправедливъ былъ! Уволить его хотѣлъ, а онъ вонъ всѣхъ умнѣй и всѣхъ вѣрнѣй оказался! Кабы не онъ, держали бы меня теперь эти воронья въ четырехъ стѣнахъ, какъ безумнаго, да высасывали бы кровь изъ народа“.

Съ этой поры Красноперовъ во всемъ совѣтовался съ Перелетовымъ, а тотъ, какъ человѣкъ хитрый, не только не перечилъ ему въ его желаніяхъ снять съ народа тяготы и перемѣнить кривду на правду, но еще совѣтовалъ, какъ лучше сдѣлать; между тѣмъ на дѣлѣ всегда такъ подстраивалъ, что ничего изъ Ива-

новыхъ начинаній не выходило, самъ же Перелетовъ оставался въ сторонѣ.

Послѣ увольненія многихъ министровъ Иванъ Дементьичъ задумалъ на мѣсто министра внутреннихъ дѣлъ посадить одного справедливаго, честнаго человѣка и дѣльца первой руки, котораго зналъ по своимъ прежнимъ крестьянскимъ тяжбамъ и дѣламъ, но прежде посовѣтовался съ Перелетовымъ.

„Это хорошее дѣло,- ввести въ управленіе свѣжаго человѣка", отвѣчалъ Перелетовъ; „только какъ онъ еще въ министерскихъ порядкахъ неопытенъ, то я бы совѣтовалъ сдѣлать его пока помощникомъ министра; въ министры же посадить Крутомѣсина, Пуда Самсоныча. Онъ человѣкъ, правда, не дальняго ума; да за то честный, по крайности воровать казенныхъ денегъ не будетъ. А какъ свѣженькій то помощникъ пріобыкнетъ, можно тогда его на мѣсто Крутомѣсина опредѣлить. Кстати-же Пудъ Самсонычъ не молодой человѣкъ, — и самъ скоро мѣсто опростаетъ".

Показался этотъ совѣтъ Дементьичу; послушалъ онъ Перелетова. А тотъ думаетъ: „Пуда-то нескоро, братъ, подвинешь; да и этотъ остолопъ трехъ умныхъ переживетъ".

Вотъ и призвалъ Красноперовъ Крутомѣсина и говоритъ ему: — „назначаю тебя министромъ внутреннихъ дѣлъ, потому что желаю господскую землю крестьянамъ передать; оборудуй мнѣ это дѣло. А въ помощники возьми себѣ Остраго, Силу Силыча (это, стало быть, стараго знакомаго Дементьича); онъ тебѣ много въ этомъ дѣлѣ поможетъ".

„Слушаю-съ", отвѣчаетъ Пудъ, „и за милость ваше величество земно благодарю. Буду стараться. Только позвольте спросить,другія-то сословія какъ-же?"

— „Да и другихъ сословій людямъ слѣдуетъ надѣлъ дать, ежели они къ обществамъ припишутся;

только надо, чтобы у каждаго было не болѣе крестьянскаго надѣла; а надѣлы мы сдѣлаемъ не теперешніе, а чтобы дѣйствительно земледѣльцу было съ чего кормиться и въ полномъ достаткѣ жить".

„Осмѣлюсь доложить, ваше величество", опять возражаетъ министръ, „этакъ все дворянское и частью купеческое сословіе въ раззоръ придетъ. Вѣдь тогда помѣщику надо либо самому землю пахать, либо инымъ трудомъ заниматься".

—„А что за бѣда? То и хорошо. Что меньше дармоѣдовъ, то больше прибыли для всѣхъ".

„Но вѣдь дворянство да купечество — это, можно сказать, основа вашей царской власти. Мужикъ, такъ онъ мужикъ и есть. Онъ грубіянъ. Ему если волю дать, да онъ отпасетъ брюхо, такъ съ нимъ и не справишься. Теперь господа, то есть помѣщики, да чиновники, да попы, да военные, да фабриканты, да иные богатые люди держатъ его въ горсти — онъ и смиренъ: подати платитъ, дороги строитъ, въ солдатахъ служитъ, передъ начальствомъ да передъ денежнымъ человѣкомъ спину гнетъ. А если вы земли у помѣщиковъ отберете — если даже съ выкупомъ — они выкупныя деньги проѣдятъ; потому что, сами изволите знать, ваше величество, дворянинъ — вѣдь онъ тонкою жизнью живетъ: ему и перстенекъ нуженъ, ему и женѣ косыночку кружевную, и на чаекъ простому человѣку дать, — иной разъ, по дворянской широтѣ нрава, въ трактирѣ двѣсти рублей за разъ проѣстъ; на то онъ дворянинъ, украшеніе государства. . . Ну, проѣдятъ, говорю, господа помѣщики выкупныя деньги, а потомъ надо имъ въ простые обыватели, либо въ крестьяне итти. А кто-же будетъ кнутъ надъ мужикомъ держать? А не будетъ кнута, неужели же онъ станетъ подати платить на содержаніе чиновниковъ да арміи?!"

— „Пустое ты говоришь", отвѣчаетъ Красноперовъ, „Этого-то и не нужно, чтобы мужикъ въ господской горсти зажатъ былъ. Зажиточный да вольный мужикъ — онъ и школу заведетъ, и книжкой не пренебрежетъ, и грубіянить ему незачѣмъ. Ступай, ступай и дѣлай, какъ тебѣ сказано".

Ушелъ Крутомѣсинъ, сѣлъ пудомъ на свое министерское кресло — ни взадъ ни впередъ у него дѣло не двигается. Острый, помощникъ его, отлично всѣ бумаги подготовилъ, только министру подписать; да не возьметъ ихъ въ толкъ министръ-то: ни шьетъ, ни поретъ. А время идетъ. Вотъ ужъ и четвертый годъ Иванова царствованія къ концу приходитъ, а народу не то, что облегченья нѣтъ, а пуще нищета да кривда грызутъ. Потерялъ, наконецъ Дементьичъ терпѣнье, уволилъ Крутомѣсина и опредѣлилъ на его мѣсто Остраго:

— „Кончай!" говоритъ; „чтобы въ шесть мѣсяцевъ земля была въ рукахъ крестьянъ".

„Позвольте", отвѣчаетъ тотъ; „я для пользы народной готовъ стараться; и то вѣдь ужъ сколько времени покою не знаю. Но позвольте вамъ доложить, государь, — не примите моихъ словъ въ зло — что вы идете не по настоящей дорогѣ".

Нахмурился Красноперовъ; не понравилось ему это слово: за четыре-то года царскаго житья отучился онъ отъ прямыхъ да простыхъ рѣчей и привыкъ свой умъ и свою волю выше всякихъ другихъ ставить. А тутъ на-поди, говоритъ ему министръ, что онъ, Божьимъ произволеніемъ поставленный въ цари, все время ошибочно дѣйствовалъ!

„Въ чемъ-же, по твоему, ошибка, умный человѣкъ?" спрашиваетъ онъ Остраго.

Видитъ Острый, что не нравятся его слова царю; однако не смутился и говоритъ:

„Ошибка въ томъ, что ваше величество желаете

народъ черезъ чиновничьи канцеляріи облагодѣтельствовать. Никогда этого не будетъ. Потому что чиновникъ — онъ отъ младыхъ ногтей, что огурецъ соленый въ кадкѣ: отъ стебля онъ оторванъ, гряды своей и не видитъ, ни свѣтъ, ни воздухъ до него не доходитъ: прокисъ онъ и въ разсолѣ намокъ, и кромѣ другихъ такихъ же просолѣвшихъ огурцовъ ничего не знаетъ. Нѣтъ ужъ, ваше величество, если, точно, дать народу вздохнуть полной грудью, — если добра ему хотѣть, то надо ему и предоставить самому жизнь свою устроить. Вѣдь ужъ самъ-же народъ лучше знаетъ, гдѣ у него болитъ, и чего ему надо, и какъ что безъ обиды устроить. Не даромъ говорится, что міръ — большой человѣкъ. Повелите, вотъ, народу выбрать изъ себя довѣренныхъ людей со всей земли, соберите ихъ въ столицу и отдайте государственныя дѣла въ ихъ руки. Они всѣ ваши добрыя начинанія до конца доведутъ и самихъ васъ отъ козней придворныхъ защитятъ и упасутъ“.

Нахмурился Красноперовъ пуще прежняго. Не понравилось ему, что министръ умнѣй его хочетъ быть. Ничего онъ не сказалъ, сталъ молча ходить по комнатѣ. „И что толкуетъ“, раздумывалъ онъ; какъ будто я самъ не тотъ-же мужикъ изъ народа, — не знаю, чего народу нужно?!“

Помолчали они этакъ-то: царь, не говоря ни слова, изъ угла въ уголъ полъ мѣряетъ; и министръ молчитъ; ждетъ, что будетъ.

— „Я о твоемъ предложеніи подумаю“, сказалъ, наконецъ, Иванъ Дементьичъ; „а ты, все-таки, тѣмъ временемъ всѣ силы-мѣры употреби, чтобы землю крестьянамъ передать, а я другихъ министровъ подгоню, чтобы скорѣе отъ податей рабочій людъ облегчили и рекрутчину-бы на народное ополченіе перемѣнили“.

„Слушаю-съ“, говоритъ Острый и съ тѣмъ ушелъ.

Сталъ Сила Силычъ стараться: днемъ не доѣдаетъ, ночью не досыпаетъ, изъ кожи лѣзетъ, чтобы скорѣе крестьянамъ все приготовить къ передачѣ земель, а все толку нѣтъ, потому что, почитай, одинъ трудится. Не только отъ другихъ министровъ, но и отъ собственныхъ подчиненныхъ никакой помощи не видитъ: имъ только бы жалованье взять, а дѣло дѣлать не ихъ забота; иные и того хуже — прямо мѣшаютъ передачѣ земли крестьянамъ. И то еще не все: всѣ придворные противъ него — прислугу его подкупили, пріятелей всѣхъ съ нимъ перессорили, про жену сплетни пустили. За четыре мѣсяца извелся человѣкъ до того — краше въ гробъ кладутъ. Наконецъ заявился снова къ царю съ докладомъ:

„Силъ моихъ нѣтъ больше“, говоритъ; „либо отпустите меня, ваше величество, на покой, либо извольте министра финансовъ да министра военнаго уволить, а то эти двое все дѣло тормозятъ. Министръ финансовъ денегъ мнѣ на необходимые расходы по передачѣ земли не отпускаетъ. Военный черезъ своихъ людей всѣхъ помѣщиковъ мутитъ, чтобы не отдавали земель; а объ народномъ ополченіи и думать забылъ“.

Жалко Дементьичу стало Остраго; началъ онъ его уговаривать, чтобы не оставлялъ дѣла. „А что до министровъ“, говоритъ, „то министра финансовъ отставляю и подходящаго человѣка посажу; только вотъ Перелетова не могу прогнать. Суди самъ: онъ меня, можно сказать, спасъ, а я ему этакой неблагодарностью заплачу! Невозможно это“.

„Въ такомъ случаѣ, государь, окажите мнѣ такую милость, увольте меня въ отставку“, говоритъ Силычъ.

Жальчѣй прежняго стало Краснoперову Остраго. Положилъ онъ Силѣ руку на плечо, поглядѣлъ на него ласково, дружественно:

— „Ну, вотъ что“, говоритъ; „ты мнѣ предлагалъ

созвать отъ крестьянъ и отъ всего народа выборныхъ со всей земли и отдать государственныя дѣла въ ихъ руки. Я тогда позаартачился, а теперь.... Созывай Земскій Соборъ, какъ ты предлагалъ. Когда выборные соберутся, тогда пускай они сами Перелегова увольняютъ, коли надумаютъ. Доволенъ, что-ли?"

„Доволенъ", отвѣтилъ Острый и даже прослезился. Схватилъ государеву руку, поцѣловалъ.

„Остаешься, стало быть?" спросилъ Дементьичъ, обнимая честнаго министра.

„Остаюсь, ваше величество. Готовъ животъ свой положить за родной народъ".

На томъ, значитъ, они и разстались, и сталъ съ той поры Сила Силычъ все приготовлять къ созыву Земскаго Собора.

* * *

Между тѣмъ слухъ, что на престолѣ сидитъ не настоящій царь, а настоящій-молъ скрывается въ народѣ и скоро объявится, шелъ все дальше и дальше и дошелъ наконецъ до начальства. Доложили государю. Пуще прежняго встревожился Дементьичъ. „Нельзя", думаетъ, „этакого соблазна допускать. Нешто я по своей волѣ въ цари попалъ? Я, можно сказать, отъ самого произволенія Божія поставленъ неправду прекратить и справедливость соблюсти; а тутъ какой то самозванецъ хочетъ меня спихнуть. Да хотя-бы то былъ и не самозванецъ, а прежній царь, — развѣ мы не знаемъ каковъ онъ есть? И когда-же вздумалъ объявиться? Когда ужъ я рѣшилъ Земскій Соборъ созвать! Нѣтъ, всѣ силы-мѣры надо употребить, чтобы мнѣ на престолѣ утвердиться. Это теперь первое дѣло. Потому что — не будетъ меня, — кто-же о народѣ позаботится?!"

Призвалъ Красноперовъ къ себѣ главнаго началь-

ника сыскной части. „Разыскать“, говоритъ, „этого самозванца! Безъ него и на глаза мнѣ не показывайся“.

„Я радъ моему государю послужить“, отвѣчаетъ начальникъ, „но чтобы цѣлую имперію обшарить, надо по крайности втрое больше денегъ, чѣмъ сколько мнѣ отпускается на сыскъ, а министръ финансовъ больше не даетъ“.

Поморщился тутъ Красноперовъ, да что подѣлаешь? Велѣлъ онъ не жалѣть денегъ на сыскъ, а министру финансовъ тоже надо откуда-нибудь пополнить казну, — приказалъ шибче выбивать изъ народа недоимки.

Тяжеле прежняго стало людямъ. Кромѣ того, что нищета одолѣла, — за одно неосторожное слово про царя, либо про начальство, стали по тюрьмамъ сажать. Стали шпіоны всюду шнырять, брата противъ брата, отца противъ сына возстановлять; все разыскиваютъ, не объявился ли гдѣ самозванецъ, да не слыхать ли гдѣ „бездѣльныхъ рѣчей“. Разговорятся между собой пріятели о государственныхъ непорядкахъ, о черномъ передѣлѣ; либо откажутся рабочіе въ добровольную каторжную работу итти; или вздумаютъ студенты трудящему люду правду по книжкамъ изъяснить, а то просто соберутся люди вмѣстѣ Евангеліе почитать, — сейчасъ ихъ тянутъ къ отвѣту, да подъ замокъ, да въ ссылку. Захочется неправедному человѣку супротивника своего со свѣту сжить — онъ на него доносъ, что-де къ бунту подущалъ. Сейчасъ бѣднягу — цапъ, да въ тюрьму, да въ Сибирь.

И военный министръ тоже не дремлетъ: о народной пользѣ съ Дементьичемъ каждодневно сладкія рѣчи ведетъ, а въ то же время самозванцемъ его пугаетъ. Стакнулся съ начальникомъ сыскной части; тотъ постоянно докладываетъ Ивану, будто то тамъ,

то здѣсь крестьяне подымаются, самозванца къ себѣ ждутъ. А Перелетовъ сейчасъ: „Видите, ваше величество, невозможно безъ постояннаго войска: приходится во всѣ стороны отряды разсылать, безпорядки подавлять, а то вѣдь не дадутъ, дураки, вамъ ихъ же пользу соблюсти".

Завертѣлся Красноперовъ совсѣмъ между двухъ огней: съ одной стороны — придворные да великіе князья со свѣту сжить хотятъ, съ другой — самозванецъ... Отъ постоянной тревоги Дементьичъ даже сна лишился, и отъ пищи его отбило. Въ это самое время приходитъ къ нему Острый: такъ-и-такъ, „извольте", говоритъ, „манифестъ о созывѣ Земскаго Собора подписать".

Вспылилъ Иванъ Дементьичъ, ровно порохъ..

—„Дай", кричитъ, „ты мнѣ сколько-нибудь покою со своимъ манифестомъ. Тутъ дай Богъ на престолѣ усидѣть, а онъ — манифестъ.... Ты радъ меня со свѣту сжить, только бы свой Земскій Соборъ созвать, провались онъ въ тартары. Уйди ты съ глазъ моихъ, сдѣлай милость".

Вышелъ Острый, слова не сказавши: не знаетъ, что и думать.... и видитъ — бѣжитъ къ царю Перелетовъ, такъ улыбками весь и сіяетъ! Влетѣлъ въ царскій кабинетъ —

„Ваше Величество! — Поймали! Самозванца поймали!"

„Слава Богу!" сказалъ Дементьичъ и перекрестился большимъ крестомъ.

* * *

А прежній царь — Семенъ то-есть — все это время въ работникахъ жилъ. На доскахъ спалъ, одеженкой укрывался, щи съ ржанымъ хлѣбомъ ѣлъ, да еще долженъ былъ Господа Бога благодарить, коли и того вдоволь, потому что безпаспортнаго вся-

кій наемщикъ норовитъ обидѣть. Трудно ему было. Но не столько трудно отъ бѣдности и работы, сколько отъ думъ. Все чаще и чаще раздумывался онъ о своемъ царскомъ житьѣ, и встали предъ нимъ всѣ его царскія скверны и ужаснулся онъ грѣхамъ своимъ. Теперь онъ зналъ сколько неправды и горя онъ причинилъ людямъ и казалось ему, что если бы собрать всѣ тѣ слезы, которыя пролиты изъ-за него въ народѣ, то онъ, прежній царь, утонулъ бы въ нихъ; и если настигнетъ его когда либо вся та кручина, которую онъ посѣялъ въ народѣ, то подавитъ его тяжестью своею. И въ смертельной тоскѣ онъ не зналъ, что предпринять.

И вдругъ онъ вспомнилъ, что безъ малаго пять лѣтъ не говѣлъ. Встревожился онъ и сталъ припоминать, отчего это случилось, и припомнилъ, что во всѣ посты, всѣ эти четыре года либо у него при безработицѣ и трехъ копѣекъ не было, чтобы попу за исповѣдь отдать, либо онъ у попа въ батракахъ жилъ, и ни одинъ попъ ради работы не пускалъ его въ церковь. Теперь разжалованный царь жилъ въ батракахъ въ еврейской семьѣ, такъ въ воскресенье его не неволили все время дома быть, — только бы въ пятницу да въ субботу аккуратно служилъ. И денегъ у него цѣлый рубль былъ скопленъ. Обрадовался нищій царь и, не откладывая, сталъ говѣть.

Пришла исповѣдь. Сталъ Семенъ передъ аналоемъ, горючими слезами такъ и заливается, а сказать ничего не можетъ. Горитъ у него душа, хочется снять съ нея бремя; да какъ подумаетъ, что нужно ему признаться во всѣхъ своихъ царскихъ худыхъ дѣлахъ, такъ робость и скуетъ языкъ. Наконецъ осмѣлился и зашепталъ:

—„Великій я грѣшникъ, батюшка, и необычайный; боюсь, что смутится душа ваша, и не убережете вы

тайну мою; а оттого много зла можетъ приключиться: и смута, и раздоръ, и убійство“...

„Сынъ мой“, отвѣтилъ попъ, перебирая перстами бороду; „или ты не знаешь, что тайна исповѣди священна? Не пресвитеру, а самому Богу открываетъ исповѣдникъ душу, и священникъ, который выдаетъ кому либо его тайну, есть измѣнникъ самому Господу и будетъ онъ проклятъ въ сей жизни и въ будущей“.

Глубоко вздохнулъ царь, собрался съ силами и, подумавъ, началъ исповѣдываться. Все разсказалъ, все свое царское житье. А попъ слушаетъ и отъ радости у него дыханіе въ зобу сперло: вотъ-молъ онъ, двойникъ-то царскій, котораго разыскиваютъ! Воздѣлъ онъ очи горѣ и мысленно взмолился: „Благодарю тя, Господи Силъ, яко призрѣлъ еси на мя, недостойнаго раба твоего, пославъ въ мои сѣти сію рыбицу! Теперь будетъ у меня и протопопство, и орденъ, и денегъ малую толику съ начальства спросить можно; а умретъ попадья — я и въ митрополиты пролѣзу!

Исповѣднику попъ, само собою разумѣется, и виду не подалъ. Обласкалъ его, успокоилъ и молитву отпускную надъ нимъ сотворилъ. Но въ то-же время хорошенько распросилъ его. Узналъ, гдѣ живетъ, подъ какимъ именемъ, да какъ только проводилъ, такъ сейчасъ скорехонько домой, запрегъ пѣгую кобылу и — въ городъ, къ губернатору! Пріѣхалъ, живымъ манеромъ въ шелковую рясу переодѣлся, рюмочку-другую пропустилъ, постненькимъ закусилъ, мяты пожевалъ, чтобы изо рта водкой не пахло и— айда съ доносомъ! Губернаторъ сейчасъ послалъ въ деревню жандармскаго полковника да прокурора съ унтерами, а въ столицу — телеграмму. Не успѣло на другой день солнышко взойти, а Семенъ ужъ за крѣпкимъ карауломъ въ столицу ѣхалъ!

Нарядили, какъ водится, слѣдствіе. Проволочили мѣсяцевъ семь, разыскивая „сообщниковъ“ и наконецъ рѣшили нищаго царя, какъ самозванца, повѣсить; того ключника, что узналъ его въ тюрьмѣ — заточить на вѣки въ крѣпость, а еще съ сотню человѣкъ, которые болтали, хотя и не видѣли его — сослать въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири.

Пришелъ день казни. Съ ночи набралось на площади народу — конца краю не видать; столпились такъ, что яблоку негдѣ упасть. Помостъ войсками оцѣпили, а насупротивъ висѣлицы воздвигли высокій престолъ для царствующаго императора (стало-быть, для Красноперова). Военный министръ, который теперь надъ Иваномъ Дементьичемъ большую силу взялъ, уговорилъ его присутствовать при казни, потому-де, когда народъ увидитъ воочію своего настоящаго царя, то всѣмъ станетъ ясно, что преступникъ — самозванецъ и всѣ толки, и вся смута прекратятся.

Вывезли изъ тюрьмы осужденнаго. Кругомъ его войска, впереди и позади барабаны бьютъ. Поставили его подъ висѣлицей, а насупротивъ — царствующій императоръ сидитъ и весь народъ на обоихъ смотритъ.

Замолчали барабаны, настала тишина. Тогда выступилъ впередъ на помостѣ чиновникъ и сталъ читать приговоръ. Въ немъ говорилось, что невѣдомаго званія человѣкъ и бродяга Семенъ осмѣлился называть себя священнымъ именемъ царя и дерзновенно задумалъ похитить царскій престолъ, чтобы сдѣлаться обманнымъ самодержцемъ надъ народомъ.

Горько стало Семену. Не такъ горька была грозившая ему смерть, какъ горька была взводимая на него напраслина. Онъ всѣмъ серцемъ теперь отрицался отъ всякой власти надъ людьми; онъ считалъ безчестнымъ и грѣховнымъ пользоваться такой вла-

стью; а его обвиняли въ томъ, будто онъ такой власти добивался, да еще обманомъ! — его выставляли передъ народомъ самымъ, онъ такъ понималъ, подлымъ человѣкомъ!...

Загорѣлось Семеново сердце, не стерпѣлъ онъ и какъ только кончилъ чиновникъ читать, Семенъ крикнулъ громкимъ голосомъ, такъ что весь народъ его услышалъ:

—„Лжетъ эта бумага! Я не добивался власти и не искалъ ея! Не я обманщикъ, а тотъ, кто сидитъ противъ меня на престолѣ“.

Всѣмъ барабанщикамъ велѣно было бить дробь, чтобы заглушить рѣчь осужденнаго. Но едва они ударили разъ, какъ всѣ барабаны полопались. Теперь Семенъ могъ продолжать свою рѣчь безъ помѣхи и онъ продолжалъ:

—„Я повиненъ смерти! Да, повиненъ за прежнія мои злыя дѣла, которыя я совершилъ, будучи царемъ. Ну и казните меня за это, я готовъ за свои вины казнь принять! Но зачѣмъ вы облыжно увѣряете народъ, будто я опять хочу приняться за такія же пакости, когда на самомъ дѣлѣ я давно позналъ тщету царской власти и возненавидѣлъ ее?! А ты, архи-обманщикъ“, выкрикнулъ Семенъ, глядя Дементьичу прямо въ лицо, „ты смѣешь меня казнить за то, въ чемъ моей вины нѣтъ, но въ чемъ ты повиненъ: ты захватилъ власть надъ народомъ, ты морочишь народъ вотъ уже пять лѣтъ!“

Закипѣло все внутри у Дементьича отъ этихъ словъ, отъ обиды ихъ. Забылъ онъ, гдѣ онъ и что онъ; помнилъ и чувствовалъ только несправедливость Семеновыхъ рѣчей. Вскочилъ онъ на рѣзвы ноги и хотя военный министръ шепталъ ему сзади, чтобы онъ молчалъ, что преступника сейчасъ повѣсятъ,—Иванъ отмахнулся отъ Перелетова и крикнулъ во весь народъ:

„Лжешь ты, мучитель народный! Правду ты сказалъ, что ты, пока царствовалъ, то злодѣйствовалъ. Я-же власти не желалъ и не захватывалъ, а за тѣ пять лѣтъ, что я, помимо моего желанія, царемъ былъ, я — вотъ Богомъ живымъ свидѣтельствуюсь — денно и нощно о пользѣ народной думалъ, для пользы народной трудился!"

„Для пользы народной!" повторилъ Семенъ съ горькимъ смѣхомъ; „да развѣ можетъ самодержавный царь какую пользу принести?! Ты хоть бы о томъ подумалъ, что кромѣ меня, злочинца, сидѣли прежде меня на престолѣ и отецъ, и дѣдъ, и прадѣдъ, и прапрадѣдъ мой. Неужли всѣ они были одинаково скверные люди? Былъ-же и между ними хоть одинъ справедливый человѣкъ! А было-ли отъ того легче народу? Нѣтъ, всегда народъ стоналъ, потому что царь при самодержавныхъ порядкахъ — какъ младенецъ на возу сѣна: онъ всѣхъ выше, а ѣдетъ туда, куда его везетъ конь-чиновникъ!"....

„Нѣтъ, братъ!" закричалъ въ свой чередъ Дементьичъ, „большая разница есть между тобой, дармоѣдомъ и мучителемъ, отъ дармоѣда и мучителя рожденнымъ, и мною, честнымъ, трудовымъ крестьяниномъ, который произволеніемъ Господнимъ въ царское мѣсто поставленъ!"

— „Ну, насчетъ произволенія Божія мнѣ ничего неизвѣстно", отвѣчалъ Семенъ. „Всякій царь на это произволеніе ссылается. Да если-бы и точно ты былъ произволеніемъ божіимъ поставленъ въ цари, то нужно еще спросить, зачѣмъ былъ ты имъ поставленъ: для народнаго-ли благодѣянія, или, можетъ, только для предостереженія народа? Такъ-то!... Честного крестьянства твоего у тебя никто не отнимаетъ; только какъ-же ты не видишь, что ты его самъ у себя отнялъ?! Крестьянскій духъ въ тебѣ до той поры только и былъ, пока ты на міру жилъ, мірскую во-

лю творилъ, міру слугою былъ. А какъ въ цари попалъ, міръ-то крестьянскій ужъ подъ тобою очутился и сталъ ты имъ черезъ своихъ чиновниковъ командовать! Какой-же ты послѣ этого мірской человѣкъ!?“

Ударили эти слова Дементьича, ровно камнемъ въ самое сердце; вспомнились ему и слова Остраго, что не по настоящей дорогѣ онъ, Красноперовъ, вначалѣ пошелъ... Захолонула въ немъ душа и не могъ онъ придумать, что-бы отвѣтить своему супротивнику подъ висѣлицей. Только подумалъ про себя: „если-бы я и началъ, пять лѣтъ тому назадъ, съ того, чтобы Земскій Соборъ созвать, — нешто эта дворцовая погань дала-бы мнѣ это сдѣлать?! — ни въ жисть!“

И безъ словъ опустился Дементьичъ на свое царское кресло.

Пока все это происходило и народъ слушалъ, затаивъ дыханіе, обоихъ царей — одного на престолѣ, а другого на висѣличномъ помостѣ — появилась надъ висѣлицей стая птичекъ. Рѣютъ да рѣютъ, все ниже, да ниже и — сѣли на перекладинѣ. Когда-же Красноперовъ опустился въ свое царское кресло, всѣ пять сѣрыхъ пташекъ сразу кинулись внизъ на помостъ и весь народъ, сколько его ни было кругомъ, такъ и ахнулъ, какъ одинъ человѣкъ. Потому что у всѣхъ на глазахъ кинулись они внизъ птичками лѣсными, а на помостъ стали почтенными крестьянами. И узналъ въ нихъ народъ своихъ ходоковъ, которыхъ пять лѣтъ тому назадъ послалъ Богу на царя жаловаться. Загудѣлъ весь народъ и заволновался. Потомъ вдругъ стихъ; до того стихъ — муху услышишь. А ходоки поклонились на всѣ четыре стороны и самый старый изъ нихъ заговорилъ:

„Вѣдомо вамъ, міряне почтенные, что не своею волей отправились мы пять лѣтъ тому назадъ правды искать, а по вашему избранію и приказанію. И

встрѣтился намъ вѣщій старецъ. Обсказали мы ему мірское дѣло и народное горе, и сказалъ онъ намъ вѣщее слово: нѣтъ-де пользы мѣнять царя, если оставите его на всей его волѣ. Но какъ ваше желаніе было выпросить именно справедливаго царя на всей его волѣ, то мы на томъ стали. И спросилъ насъ вѣщій старецъ, кого мы знаемъ за разумнаго и знающаго, и вѣрнаго человѣка? И мы указали на Ивана Дементьича Красноперова“.....

Ровно волна, прокатился тутъ гулъ въ народѣ. Всѣ знали Ивана Дементьича и со всѣхъ сторонъ послышались возгласы: „Вѣрно!“ „На что лучше человѣка!“ „Вотъ бы такого царя!“ „Справедливое ваше слово, старички!“....

Старикъ на помостѣ переждалъ, пока говоръ смолкъ и началъ говорить опять:

„И сказалъ намъ въ тѣ поры вѣщій старецъ: „будетъ вамъ по желанію вашему; поставится вамъ справедливый человѣкъ въ цари и сами вы увидите, что изъ того выйдетъ; васъ-же превращаю въ пташекъ лѣсныхъ, которыя ни сѣютъ, ни жнутъ, ни собираютъ въ житницы, но сыты бываютъ; по окончаніи же пяти лѣтъ возвратится вамъ человѣчій образъ и тогда свидѣтельствуйте объ истинѣ“.

Едва только проговорилъ старичокъ эти слова, какъ исчезла у осужденнаго царя борода, а лицо стало чистое, и арестантское платье его невѣдомо куда дѣвалось, и стоялъ теперь онъ на помостѣ въ царскомъ одѣяніи, хоть по прежнему съ веревкой на шеѣ. Въ то-же мгновеніе сидѣвшему насупротивъ на престолѣ Ивану Дементьичу возвратилось его прежнее, бородатое обличье и его крестьянскій нарядъ....

И открылись глаза у народа. Всякій яснѣе ясного увидѣлъ — который царь, а который Красноперовъ. И поняло все множество предстоявшихъ лю-

дей, что въ послѣднія пять лѣтъ царемъ надъ ними былъ не прежній, неправедный царь, а справедливый мужикъ, Иванъ Красноперовъ; а неправедный-то царь все это время на собственной шкурѣ народное житье-бытье испробовалъ: ухватилъ и онъ шиломъ патоки; знаетъ, гдѣ раки зимуютъ! Многіе изъ этихъ тысячъ людей, устремившихъ очи на двухъ царей, помѣщавшихся другъ противъ друга, видѣли, ровно въ видѣніи, то время, когда Дементьичъ былъ у всѣхъ на глазахъ, когда всякій сосѣдъ могъ судить и рядить о его поступкахъ, когда за каждое несправедливое дѣло можно было его потянуть къ отвѣту передъ міромъ и когда всѣ любили и уважали его. И вотъ этотъ самый человѣкъ ушелъ изъ подъ остерегающаго народнаго глаза и сталъ царемъ. И что-же вышло? А то и вышло, что никто даже не примѣтилъ перемѣны неправеднаго царя на праведнаго, — до того все по прежнему осталось!

И вотъ поднялся среди народа вопль и крики и заволновалось все множество его, какъ море. Одни вопили, что Красноперовъ достоинъ смерти; другіе — что прежнему царю нельзя простить его худыхъ дѣлъ; третьи кричали, что теперь настоящій царь самъ побывалъ въ передѣлѣ, узналъ и нужду, и работу, и каково простому человѣку живется, и что теперь онъ будетъ самымъ лучшимъ царемъ. Наконецъ, послѣдніе крики пересилили, Семена подняли на рукахъ высоко и многоголосый народный кличъ, словно радостный громъ весенній, понесся перекатами дальше и дальше....

Но вотъ поднятый высоко народомъ царь простеръ руку — онъ хотѣлъ говорить. Все стихло и ясно раздались слова умудреннаго царя:

— „Возлюбленный народъ мой! Многими и тяжкими грѣхами я противъ васъ грѣшенъ, и вы все то мнѣ съ незлобіемъ простили и хотите меня вновь надъ

собою поставить на всей моей волѣ. Полна душа моя благодарностью и умиленіемъ несказаннымъ, и не было бы мнѣ большей радости, чѣмъ быть вашимъ царемъ, если бы я могъ думать, что будетъ вамъ отъ того польза. Никакихъ трудовъ, ни жизни не пожалѣлъ бы я, если бы вѣрилъ, что можетъ одинъ человѣкъ цѣлымъ народомъ управить.

— „Но умудрилъ меня Господь разумомъ, заставивъ меня самого прожить жизнью народа моего. Открылись очи мои и позналъ я всею душою моею, каково есть положеніе царя на всей его волѣ. Всесиленъ онъ на зло, ибо своеволіе развращаетъ его и некому стать между нимъ и зломъ. На добро-же онъ безсиленъ, хотя-бы и хотѣлъ быть добрымъ, потому что вся неисчислимая тьма тьмущая чиновниковъ стоитъ между нимъ и добромъ. Кто усмотритъ за ними? Какъ невозможно одному человѣку уберечь пшеничное поле отъ тучи саранчи, такъ невозможно одному человѣку — хотя бы онъ былъ и царь — управить тьмою чиновниковъ!

— „Вотъ если бы за ними весь народъ въ тысячи тысячъ глазъ глядѣлъ — дѣло бы иное было. Если бы всѣ эти министры, и губернаторы, и генералы и чиновники не царю, а народу отчетъ давали и мірскіе-бы учетчики ихъ учитывали да повѣряли, — если-бы любой мирянинъ могъ любого изъ нихъ предъ праведный судъ позвать, — тогда иное-бы дѣло было. Но этого я не могу устроить. Это мое, а ваше дѣло.

— „Что вы то къ Дементьичу, то ко мнѣ, то невѣдомо къ кому обращаетесь, просите, чтобы вамъ устроили ваше житье?! Сами его устраивайте; сами въ общественныя, въ государственныя дѣла вникайте; сами довѣренныхъ вмѣсто царскихъ чиновниковъ выбирайте. Сами себѣ помогайте, а безъ того никто вамъ не поможетъ!

— „Я-же не возьму вторично на душу грѣха своеволія, всевластія и угнетенія. Не стану я царствовать и не нудьте вы меня!“...

Но народъ не хотѣлъ ему вѣрить. Царева рѣчь понравилась народу, и пуще прежняго захотѣлось людямъ имѣть его своимъ правителемъ. Поднялся шумъ и гвалтъ, и вопли, и наконецъ иные стали напирать на царя и грозить ему, крича въ изступленіи, что либо онъ долженъ согласиться царствовать на всей его волѣ, либо тутъ ему и смерть на на этой самой висѣлицѣ! Тогда упалъ царь на колѣна, воздѣлъ руки къ небу и вскричалъ:

— „Свидѣтельствуюсь Богомъ живымъ, что готовъ скорѣе смерть принять, нежели снова стать царемъ на всей моей волѣ!“

И едва онъ произнесъ эти слова, какъ вдругъ не стало его; неизвѣстно куда дѣвался. Глядитъ народъ и глазамъ не вѣритъ: нѣтъ ни того, ни другого царя. Дементьичъ, пока старый царь говорилъ, сошелъ съ трона и затерялся въ народѣ. Настоящій же царь исчезъ невѣдомо куда; ровно бы его и не было.

Будто столбнякъ нашелъ на всѣхъ. Стоятъ, молчатъ милліоны людей и не знаютъ, что дѣлать. И стало тихо-тихо. Такъ тихо, что было слышно, какъ лѣтній вѣтерокъ черезъ полянку пролетаетъ, и какъ рыбка рѣчная подъ водой ходитъ, и какъ сердечко у испуганной птички бьется.

И вотъ задвигали листочками деревья лѣсныя, задрожали былинками травки степныя и прошелестѣли въ тишинѣ:

„Вы люди, а не скотъ подъяремный! Сами себѣ помогайте, а безъ того никто вамъ не поможетъ!“

Привольнѣе прежняго разлились свѣтлыя рѣки и прожурчали серебристыми струйками своими:

„Вы люди, а не скотъ подъяремный! Сами себѣ

помогайте, а безъ того никто вамъ не поможетъ!“

И показалась на небѣ тучка золотая. Легко плыла она по голубому небу; переливалась она всѣми цвѣтами, словно радуга, и какъ очутилась надъ народомъ — пророкотала весеннимъ радостнымъ громомъ:

„Вы люди, а не скотъ подъяремный! Сами себѣ помогайте, а безъ того никто вамъ не поможетъ!“

И отдались эти слова во всѣхъ сердцахъ и сталъ народъ думать крѣпкую думу. И идетъ время, и зрѣетъ народная дума. И какъ созрѣетъ она — тутъ и конецъ будетъ всѣмъ народнымъ бѣдамъ — и бѣдности, и угнетенію, и неправдѣ.

Конецъ

Дозволено цензурою. Москва 19-го февраля 1902 г.

